

Петр Никонов

Короли и убийцы

Сага о Гленарде. Том третий.

Петр Никонов

**Короли и убийцы. Сага
о Гленарде. Том третий**

«Издательские решения»

Никонов П.

Короли и убийцы. Сага о Гленарде. Том третий / П. Никонов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-856343-0

Когда к тебе приезжают старые друзья, это предвещает праздник, пиры и отличное времяпровождение. Особенно если твой друг Император, а его гости — короли. Но что делать, если гости, один за другим, начинают погибать от рук таинственных убийц? Новые тайны, схватки, расследования, погони, интриги, загадочные маги, прекрасные женщины, союзы и предательства, преступления и возмездие — всё есть в этой новой книге мастера детективно-философского фэнтези!

ISBN 978-5-44-856343-0

© Никонов П.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Глава I	9
Глава II	13
Глава III	21
Глава IV	28
Глава V	34
Глава VI	40
Глава VII	47
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Короли и убийцы

Сага о Гленарде. Том третий

Петр Никонов

*Анджею Сапковскому, Ивану Ефремову,
Джорджу Р. Р. Мартину, Максу Фраю, Артуру Конан Дойлу.*

Обладая хорошо развитым чувством социальной ответственности, Автор считает своим долгом предупредить Читателя о том, что образ жизни, который ведут герои этой книги, особенно в отношении еды и напитков, не способствует здоровой и долгой жизни современного человека. Посему Автор настоятельно рекомендует Читателю избегать следования привычкам героев книги, ибо всё хорошо в меру.

Также, уже не как предупреждение, а, скорее, в качестве рекламы, Автор сообщает Читателю, что сия книга содержит многочисленные сцены употребления спиртных напитков, насилия, употребления нецензурной лексики и даже (о, ужас!) сексуальных взаимоотношений.

Сказав всё это, Автор полагает свой долг перед обществом выполненным, совесть очищенной, а посему умывает руки и желает Читателю приятного чтения.

Дизайнер обложки Борис Нурчукович Аджиев

© Петр Никонов, 2017

© Борис Нурчукович Аджиев, дизайн обложки, 2017

ISBN 978-5-4485-6343-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Бушующие струи водопада с грозным грохотом разбивались о громадные гладкие камни. Бурля в небольшом озерце у подножия верхнего каскада водопада, они тут же продолжали свой путь вниз, с огромной скоростью срываясь с обрыва и снова ударяясь о камни глубоко внизу, у подножия скалы, затерянном в дымке брызг и тумана.

Гленард стоял на небольшом уступе на уровне середины водопада, чуть выше основания верхнего каскада. Сверху уступ наполовину закрывался нависающей над ним скалой. С уступа открывался прекрасный вид и на водопад, и на окружающие его грозные обрывистые скалы.

Вершина скалы, откуда срывался, превращаясь в бурлящий поток, ручей по имени Богатый, обильно поросла невысокими, но пышными елями и березами. По скалам стелился плющ и чудом удерживающийся на почти отвесных стенах мох.

День был солнечным. Брызги, играя и переливаясь в ярких лучах, превращались в блестящие всеми цветами искры и драгоценные камни. Ярко-зеленая листва раннего лета как будто стремилась впитать в себя как можно больше солнечного света, блистая в переливах воды всеми оттенками изумруда. Ниже, в белой дымке, в которой исчезали бурлящие потоки, играла небольшая, как будто застенчивая, радуга.

Гленард хорошо знал и любил этот водопад. Часто, очень часто, именно он был целью его долгих одиноких конных прогулок. Здесь, на самом краю Империи, вдали от дел и забот, окруженный только переливами света и грохотом струй, Гленард проводил, порой, долгие часы, забывая обо всех своих делах и оставаясь наедине со своими мыслями. Так было и сегодня.

Гленард блаженно зажмурился, слушая шум воды и растворяясь в нем. Когда же он снова открыл глаза, он почувствовал, что что-то изменилось.

На первый взгляд, всё осталось прежним. Так же шумел водопад. Так же играли и танцевали диаманты брызг. Так же ярко солнце освещало зеленый покров леса. Но это только на первый взгляд.

Опытный глаз Гленарда отметил, что разница между светом и отбрасываемыми камнями тенями стала как будто резче. И трансформации продолжались. Солнечный свет стал мягче, безжизненнее, но краски своей яркости не теряли. Напротив, они становились контрастнее и насыщеннее. Тени становились более темными и словно начинали дрожать и двигаться, оставаясь при этом на месте.

Грохот потоков воды стал заметно тише, хотя они сами, казалось, забили еще яростнее, будто стремясь раздробить в песок те валуны, на которые они жестоко обрушивались с высоты. Скалы напротив Гленарда становились нечеткими, как будто между ними и Гленардом выросло какое-то прозрачное, но не полностью, препятствие, вроде слюдяного окошка.

Ни дуновения ветерка не чувствовалось в неподвижном и, казалось, застывшем воздухе. Однако Гленард явственно ощутил прикосновение холода к коже лица. И не просто холода – мороза, жестокого и сухого, какой бывает, порой, жуткими темными ночами первого новолуния нового года. Этот мороз прикоснулся к лицу Гленарда и тут же исчез, а потом словно скользнул вокруг тела Гленарда сверху вниз по спирали и снова улетел в неведомую даль, оставив лишь легкий налет изморози на влажных камнях у ног Гленарда.

Свет, тем временем, продолжал исчезать, уступая место жирным фиолетово-черным теням. Вот уже не блестят капли воды. Вот уже не играют оттенками зелени листья деревьев. Да и сам водопад, кажется, застыл. Не замерз, а именно застыл, подвесив брызги недвижимо в ставшем плотным воздухе, словно время неожиданно остановилось.

Тени, скрывающиеся в камнях уступа, на котором стоял Гленард, выползли наружу и медленно, извиваясь, как змеи, поползли к его ногам. Он хотел отпрыгнуть в сторону, но понял, что не может пошевелиться. Жирные черные тени, встретились у его ног и объединились в единую

большую тень, которая скользнула вверх вокруг тела Гленарда, обдав его холодом и ощущением отчаянной безысходности.

Отлетев от Гленарда чуть в сторону, тень застыла на краю уступа, рядом с замершими струями водопада, материализовавшись в похожую на человека темную фигуру. На месте лица был черный водоворот теней, притягивающий взгляд Гленарда и, казалось, засасывающий его разум внутрь этого ужасного существа.

– Что ты? – спросил Гленард. Слова звучали глухо и тихо.

– На все ли вопросы должны быть ответы? – спросила в ответ Тень. – Считаю меня странником из сумрачного леса.

– Ты смерть?

– А ты, Гленард? Ты смерть?

– Иногда я инструмент смерти, – чуть слышно прошептал Гленард, – и инструмент справедливости.

– А есть ли справедливость, Гленард? – также тихо и немного грустно поинтересовалась Тень. – Смерть-то точно есть, можешь мне поверить.

– У каждого своя справедливость, – пожал плечами Гленард. – Надеюсь, я на верной стороне.

– Любая сторона верная. Для победителей. Выходит, дело не в справедливости, а в том, кто победит. Победит в схватке сегодняшнего дня.

– Потому что завтра будет новая схватка, – продолжил вслед за Тенью Гленард, – и битва никогда не окончится.

– Для кого-то окончится, – возразила Тень. – По крупному счету, твоя битва конечна, как и сама твоя жизнь.

– Но не всегда с концом нашей жизни заканчивается наша битва, – вздохнул Гленард. – Ее продолжают другие.

– Ну, и какая тебе будет разница, кто продолжит твою битву, Гленард?

– Мне, пожалуй, не будет никакой разницы, – согласился Гленард, – но, возможно, разница будет для человечества.

– Человечества? – в голосе Тени явно прозвучала саркастическая усмешка. – Вы, смертные, всегда думаете, что ваши действия, ваши выборы, ваши жалкие потуги что-то меняют для человечества...

– А разве нет?

– Кто знает, Гленард? Кто знает?.. – грустно прошептала Тень.

– Зачем ты здесь? – спросил Гленард, помолчав.

– Грядет время перемен.

– Тоже мне новость, – настало время Гленарда усмехаться. – Вся моя жизнь – это время перемен.

– И ты хотел это изменить, Гленард. Правда?

– Пожалуй, да, – подумав, кивнул Гленард.

– Ты сбежал на край света. Тихое, спокойное место. Леса, луга, холмы, горы. Ты хотел сбежать. От себя. От своего прошлого. От своего предназначения... А, впрочем, какая разница, от чего именно? Ты хотел спокойствия и тишины. И сюда ты приходишь, чтобы обрести спокойствие.

– Да, – согласился Гленард.

– Грядет время перемен, Гленард.

– Не понимаю, Странник, – покачал головой Гленард.

– Ну, так смотри, – в голосе Тени грозно прозвучала жестокая мощная древняя сила.

И Тень исчезла.

А Гленард внезапно оказался на самом краю уступа, рядом с водопадом. Он видел, что вода в водопаде превратилась в ярко-алую горячую жидкость, так знакомую ему. Кровь, кровь

падала потоком сверху по почерневшим скалам, на верху которых торчали засохшие и почерневшие остовы стволов давно умерших елок и берез. Кровь бурлила, падая между черных гнилых мхов, покрывавших растрескавшиеся скалы.

Кровь алым горячим потоком разбивалась о валуны рядом с уступом, обдавая Гленарда теплом и своим железистым запахом, оседая на его лице горячими красными брызгами. В затаивших лучах закатного багрового солнца потоки крови переливались оттенками рубинов, гранатов и шпинели.

Они бурлили, кипели и срывались вниз, в черную бездну, над которой стоял багряный туман и из которой слышались жуткие крики, стоны и скрежет, как будто кто-то внизу перемалывал огромными щипцами кости тысяч и тысяч еще живых людей.

Гленард замороженно наблюдал за тем, как брызги крови покрывают всё вокруг. Внезапно скала, на которой он стоял, треснула. Глубокие черно-фиолетовые, как тени, трещины змеились по всему уступу. Нужно было уходить, убежать, но Гленард не мог пошевелиться. Он не мог даже вздохнуть.

Камни вылетали у него из-под ног. Скала лопалась и разваливалась. Он покачнулся, попытался удержать равновесие, хватаясь за воздух широко раскинутыми руками, но всё было тщетно. Поскользнувшись на покрывающей камни крови, Гленард полетел вперед, в багряную бездну, лицом вниз. Он летел и летел, казалось, целую вечность.

Шум разбивающихся потоков крови всё нарастал и нарастал, превратившись в дикий, нестерпимый грохот. И тут внизу из багрового тумана показались черные острые скалы. Гленард на огромной скорости врезался в них, чувствуя, как они разрывают его кожу и ломают его хрупкие кости.

И проснулся.

Он лежал на кровати, весь мокрый от пота, тяжело, быстро и глубоко дыша, жадно хватая воздух, и бесцельно всматривался в темноту над ним.

– Грядет время перемен, – тихо прошептал он через какое-то время, немного успокоившись. – Грядет время перемен...

Глава I

Много тайн хранят бескрайние леса севера, и горе тому неудачливому или небрежному страннику, коий по случаю, или по глупости своей собственной с ними соприкоснется. Лишь скрежет зубовный, хруст костейный да вопль внезапный сопровождают путника через те леса темные. А посему дадим мы совет добрый. Имеющий уши, да услышит. Имеющий глаза, да увидит. На блеск золота и серебра, тебя манящий, не взирая, избегай, добрый путник, баронств северных, а в полнолунные ночи особливо.

Граф Хорт ан Фраох. *«Землеописания торговых путей Империи»*

Если хочешь ты сделать мёрсеркухен

Измельчи белый хлеб хорошенько, разбей в него яйца, сделай желтым (шафраном) поперчи хорошо, а затем порежь мускатный орех и всыпь туда. Положи свиной жир в котелок, помести его на углях и влей всё туда. Когда испечется, порежь на кусочки.

Здесь и далее «кулинарные» эпиграфы цитируются по «Кёнигсбергскому кулинарному манускрипту» Тевтонского ордена (вторая половина XV века). Перевод со старонемецкого на английский: Giano Balestriere (2002), перевод с английского на русский: Петр Никонов (2017). Автор просит все претензии относительно корявости языка этих рецептов, логических несоответствий в них или прочих непонятностей направлять напрямую на кухню Тевтонского ордена.

Встречать дорогого гостя Гленард вышел на большое крыльцо замка Кратхольм.

Конечно, назвать Кратхольм замком можно было весьма условно. Скорее, это была большая трехэтажная изба, сложенная из мощных вековых бревен, почерневших от времени. Замок и несколько разбросанных по его двору построек – амбар, конюшню, свинарник, курятник, кузницу и дом местной Тайной Стражи – окружал частокол высотой в полтора человеческих роста. Бревна частокола успешно соперничали по черноте с бревнами, из которых был сложен донжон-изба замка. Впрочем, всё это хозяйство содержалось в неплохом состоянии. В некоторых местах были заметны следы аккуратных недавних ремонтов.

Гленарду не раз приходила в голову мысль снести все эти постройки к демонам и построить на их месте нормальный большой каменный замок. Благо и золота на это хватало, и на отсутствие камней в предгорьях гор Башрайг, где располагалось баронство Кратхольм, пожаловаться было никак нельзя.

Но каждый раз Гленард не решался на этот безвозвратный шаг. За те почти два с половиной года, которые он прожил здесь, он неожиданно для себя прикипел душой к этому старому дому и к этому обветшавшему со временем хозяйству. Да и любовь Гленарда к истории тоже останавливала его от решительных обновлений. Вряд ли, конечно, знаменитый Кратхольмский пакт между Императором Бранненом, сыном Андера Великого, и королем бьергмесов Гильднесвердом был заключен именно в этом доме, всё-таки больше трехсот лет прошло. Но вот фундамент замка, Гленард был уверен, сохранился без изменений еще с тех стародавних времен.

Так и не решившись вследствие этих причин полностью перестроить замок, Гленард, с горячего одобрения Лотлайрэ, с присущей ему активностью взялся за обновление и ремонт всех построек. В итоге, к настоящему моменту всё, что нужно было починить, было исправно

починено. Всё, что требовало обновления, как, скажем, старая кузница рядом с замком, было, по мере возможности, аккуратно обновлено. Всё, чего недоставало для ведения полноценного и богатого хозяйства, было куплено или построено.

Например, большое крытое деревянное крыльцо, на котором Гленард вместе со своим стюардом Миррардом, невысоким полненьким добряком со всегда румяным улыбающимся лицом, встречал въезжающего верхом в ворота замка герцога Брайна ан Сидлерд, не только не успело почернеть от времени, но еще и пахло приятным и домашним запахом свежих стружек и новых досок.

Герцог Сидлерд, вассалом которого был Гленард, на этот раз приехал без обычной свиты, включающей, как правило, супругу, младенца-сына, служанок супруги, няnek ребенка, оруженосцев, повара, многочисленных прислужников и придворных. Сегодня компанию герцогу составляли лишь двое юных оруженосцев, гордо ехавших позади него на таких же, как и у герцога, гнедых конях. Что было не удивительным, поскольку Гленард знал, что на пышных выездах обычно настаивает именно герцогиня Влеска ан Сидлерд, а юная герцогиня, отягощенная ожиданием скорого появления на свет второго наследника, видимо, предпочла остаться в замке Слотсквен или даже в самом Рогтайхе.

Герцог, высокий, хорошо сложенный молодой человек чуть старше двадцати лет, подъехав к самому крыльцу, хитро улыбнулся Гленарду и спешил. Легкий теплый ветерок раннего лета слегка разведал его светлые волосы. Гленард в очередной раз удивился насколько четко в волосах, ярко-голубых глазах и чертах лица герцога Брайна проявились редкие ныне древние аристократические черты северян.

– Ваша светлость, – почтительно поклонился герцогу Гленард. Стюард Миррард склонился рядом.

– Приветствую, барон Гленард, – важно кивнул герцог, стукнув себя по груди кулаком правой руки.

– Добро пожаловать в мой дом, ваша светлость, – улыбнулся Гленард. – Чувствуйте себя как дома, мой господин.

– Благодарю вас, ваша милость, – церемонно ответил герцог, – и за кров, и за угощение.

– Конечно, ваша светлость, – понял намек Гленард и повернулся к Миррарду. – Миррард, распорядись.

Тут же всё пришло в движение. К спешившимся вслед за герцогом оруженосцам подбежали младшие конюхи и увели лошадей в конюшню. Девушки-служанки забежали туда-сюда, спеша, под строгим руководством улыбчивого, но требовательного Миррарда накрыть столы и для Брайна с Гленардом, и для оруженосцев герцога. Посмотрев на эту суету, Гленард усмехнулся, и, покачав головой, жестом пригласил герцога Сидлерда внутрь дома.

Миррард своё дело знал, за это Гленард его и ценил. К тому времени, как Гленард с гостем поднялись в кабинет на втором этаже замка-избы, на столе кабинета уже появились и засахаренные фрукты, и нарезанные колбасы, и сыры, и караваи, и кувшины с вином и медом. Герцог уважительно кивнул головой, явно удивленный расторопностью слуг.

– Прошу вас, проходите, мой господин, отведайте наших скромных яств, – церемонно поклонился герцогу Гленард, приглашая его к столу.

– Ох, Гленард, ну хватит уже, – рассмеялся Брайн, хлопая Гленарда по плечу. – Поиграли в церемонии и хватит. А что касается господина, то, с учетом того, сколько денег я тебе должен, ещё большой вопрос, кто из нас кому господин. Давай лучше, вино наливай.

– Ну, как скажешь, – рассмеявшись в ответ, развел руками Гленард. – Вино для тебя самое лучшее. Такое и в Рогтайхе не попьешь. То самое – «Кровь демона», личный подарок Императора Славия.

– Ну, тогда, за Императора! – поднял кубок Брайн.

- За Императора! – подхватил Гленард. – Слава Империи!
- Славий Империи! – в очередной раз повторил Брайн модную когда-то шутку.

– Это, кстати, хорошо, что мы сразу про Императора говорить начали, – Брайн, поставив кубок на стол, отправил в рот большой кусок колбасы.

– А что такое? – насторожился Гленард. – Твой приезд с этим как-то связан?

– Разве не могу я просто приехать к тебе в гости? – удивился Брайн. – Вспомнить старые времена, выпить, покутить...

– Можешь, – покачал головой Гленард, – но тогда бы ты приехал с женой. Насколько я знаю Влеску, отпускать тебя кутить одного она бы не стала. А с Влеской приехала бы и ее огромная свита, сборы бы затянулись надолго, и я бы об этом знал сильно заранее. Кроме того, я знаю, что вы сейчас ждете второго ребенка, и ты бы вряд ли решился просто так оставить Влеску в таком положении и отправиться на север кутить и пьянствовать.

– Ну, да, – Брайн саркастически усмехнулся, – я себе не враг и не самоубийца.

– Можно было бы, конечно, предположить, – хитро прищурился Гленард, – что ты, устав, решил просто сбежать потихоньку на время из Слотсквена, но что-то мне кажется, что это не в твоём характере. А значит, ты, скорее всего, здесь по делу, связанному с Империей и со Славием. И, вероятно, по делу серьезному и не терпящему отлагательств. А посему, выкладывай, Брайн. Наливай себе еще вина и рассказывай.

– Что ж, логика тебя всё ещё не подводит, Гленард, – Брайн покачал головой, а затем взял в одну руку кубок, а в другую руку большой кусок козьего сыра. – Всё именно так.

– И? – поднял брови Гленард.

– Если не ходить вокруг да около, – Брайн прожевал сыр и запил его вином, – то всё очень просто. Славий едет сюда. В Кратхольм.

– Ничего себе у тебя всё просто! – изумился Гленард. – Император огромной страны едет из столицы через половину Империи на самый северный рубеж в маленькое баронство. Зачем?!

– Может, он просто по тебе соскучился? – улыбнулся Брайн.

– Я, конечно, считаю себя другом Славия, но вряд ли он ради этого бросит все свои дела, которых, я знаю, у него огромное море, и отправится на север поохотиться и покутить со старым приятелем. Да и не успел бы он соскучиться по мне, я три месяца назад в Рогтайхе был. Продолжай Брайн, говори всё, хватит загадок и предположений.

– Ну, хорошо. Не хочешь играть в загадки, тогда скажу скучно и прямо. Ты, конечно, понимаешь, что это всё только между нами, слово и дело Императора.

– Конечно.

– Император хочет заключить новый союз с бьергмесаами. Расширить сотрудничество по всем направлениям. Предоставить больше прав бьергмесам в Империи. И всё такое. Славий считает, что будет символично и правильно заключить новый союз там же, где много веков назад был заключен нерушимый многовековой Кратхольмский пакт.

– Я понимаю, – задумчиво протянул Гленард. – Славий по каким-то причинам хочет сохранить переговоры с бьергмесаами в тайне? Не хочет устраивать пышную церемонию в столице?

– И это тоже, – согласился Брайн. – Мне, как Посланнику Императора поручено организовать всё так, чтобы о переговорах никто не знал до поры до времени. Бьергмесы не однородны в политическом плане. У них огромное количество противоборствующих семей, кланов, племенных союзов. И далеко не все обрадуются этим переговорам, поскольку, если они будут успешными, мы тоже получим значительные преимущества у бьергмесов. Да и в Империи далеко не все будут довольны. Но Славий считает, что это необходимо.

– Понимаю, – Гленард улыбнулся. – Моя задача не только принять Славия и бьергмесов, но и сделать так, чтобы об этом не узнало слишком много народу. В этом плане Кратхольм дей-

ствительно выглядит самым подходящим местом. Что еще? Обеспечить безопасность Императора?

– Со Славием будет Донрен. Вероятно, его люди позаботятся о безопасности Императора. По крайней мере, мне никаких таких поручений для тебя Донрен не передавал. А вот привет тебе он передавал, кстати. Говорит, что будет очень рад случаю тебя вскорости повидать.

– Ты тоже будешь, Брайн?

– Конечно. Я же Посланник. Мы с моими ребятами всё это и подготовили. Славий только финальные переговоры проведет.

Гленард подошел к открытому окну и задумчиво взгляделся вдаль. С холма, на котором стоял замок Кратхольм, открывался прекрасный вид на зеленые долины предгорий. Чуть дальше высились горы Башрайг. Невысокие и зеленые вблизи, они становились высоченной стеной ближе к горизонту и упирались в небо вечно заснеженными пиками непроходимых горных цепей.

Теплый ветерок легко касался лица Гленарда и шевелил листья дубов, растущих чуть ниже по склону холма. Дубов, которые и дали старое бьергмесское название и замку, и всему баронству – Кратхольм, дубовый холм. Утренние солнечные лучи нежно ласкали весеннюю юную яркую зелень листвы и трав. Кратхольм жил своей жизнью, шумной, насыщенной, но такой домашней. Воздух наполнялся шелестом листвы, криками играющих вдалеке детей, фырканием коней, повизгиванием свиней, кудахтаньем кур, пением птиц и размеренными металлическими ударами, доносящимися из кузницы на склоне холма.

Гленард обернулся к Брайну и допил вино из кубка.

– Что-то ты не договариваешь, Брайн, – покачал он головой. – В чем дело? Зачем Славий едет сюда на самом деле?

– Может, и недоговариваю, – невинно улыбнувшись, пожал плечами молодой герцог, – но прости, Гленард, большего я рассказать сейчас не могу. Славий придет и сам всё тебе расскажет.

– Я должен быть к чему-то готов? – насторожился Гленард.

– Ни к чему особенному. Просто нужно сделать так, чтобы все думали, что Император просто решил навестить старого друга. И чтобы даже те, кто прознает о переговорах с бьергмесами, были бы уверены, что это именно то, ради чего всё и затеяно.

– Что ж, – задумчиво помолчав некоторое время, сказал Гленард, – если Империя требует, значит, сделаем. Гленард, Славий, Донрен и Брайн снова вместе. Ну, по крайней мере, надеюсь, что хорошо и весело время проведем.

Глава II

С виду они выглядят забавно: маленькие, чуть выше пояса человеческого. Бороды длинные свои в косички заплетать любят. А уж коли насунятся серьезно, что бывает часто, так и вовсе умора. Но горе тебе, человеке, над ними насмехаться. Топоры их быстры невероятно, а характер они имеют пресквернейший.

Варден из Байлура. *«Необыкновенное путешествие в удивительную страну бьергмесов и обратно, совершенное автором сего самолично»*

Ежели хочешь ты сделать кунгссунер <(куры по-королевски)>
Возьми жареных кур и поруби их мелко. Возьми свежие яйца и смешай их с молотым имбирем. Вылей это в белый раствор, который должен быть горячим, и добавь шафрана и соли. Помести у огня, и пусть печется.

Приезд Славия Гленарда удивил. Не сам факт визита, это было как раз объяснимо. Удивило Гленарда то, как Славий прибыл в Кратхольм.

Его Священное Императорское Величество Славий ан Андерриох, Император Империи Андерриох, король Мерфрайна, король Зведжина, король Фьотдайха, король Аррикумы, король Глареана, король Хортии, герцог Андертайха, герцог Квитина прибыл в замок Кратхольм теплым вечером раннего лета, уже после заката, верхом на высоком вороном жеребце. Рядом с ним к воротам замка подъехал на серой лошадке герцог Донрен ан Верверриг, Генерал Тайной Стражи Императора и Великий Инквизитор Империи.

Сопровождали их всего пара помощников-оруженосцев и два десятка стражников. Все конные, закутанные в темно-серые плащи без гербов и украшений.

Брайн, конечно, предупредил Гленарда, что Император намеревается прибыть инкогнито, без свиты. Однако Гленард, вспоминая выезды Императорского двора в Рогтайхе, полагал, что «без свиты» означает всего лишь десять экипажей, вместо обычных тридцати и всего лишь сорок-пятьдесят придворных и слуг, вместо обычных двух сотен.

Однако, похоже, Славий действительно намеревался привлекать к своей поездке в Кратхольм как можно меньше внимания и сохранить свою встречу с бьергмесаами в тайне. Возможно, если бы не заботливость и беспокойство Донрена, Славий решил бы отправиться в путь и вовсе без охраны, однако в этом вопросе переспорить Донрена было невозможно.

Гленард вместе со всеми обитателями замка Кратхольм встретил прибывшую процессию у ворот. Одет он был в парадный дублет, черный, расшитый серебром. В руках Гленард по северному обычаю держал обеими руками большой пшеничный каравай, на котором стояла плешечка с солью.

Император, подъехав к воротам, тепло улыбнулся Гленарду и спешился. Когда Славий подошел к Гленарду, тот поклонился, насколько ему позволял каравай в руках.

– Ваше Священное Императорское Величество Славий ан Андерриох, – торжественно произнес Гленард, – позволь приветствовать тебя в моем скромном доме. Отведай хлеба моего и соли в знак моего гостеприимства. Раздели со мной кров мой, пищу мою и вино мое. Будь дорогим гостем в моем доме, коего хозяином ты, на самом деле являешься. Добро пожаловать, дорогой друг!

Приветственная фраза была, конечно, весьма далека от предписанных обычаями и этикетом слов, что заставило чувствительного к таким вещам стюарда Миррарда слегка побледнеть

и осуждающе поджать губы, однако Гленард, возможно, единственный в Империи, мог себе это позволить. Всё-таки их со Славием связывала близкая дружба уже почти полтора десятка лет. Да и самим своим титулом Император Славий, в недавнем прошлом просто капитан Славий, был во многом обязан именно Гленарду, что давало тому определенные привилегии.

– Здравствуй, дорогой друг! – Славий, улыбаясь, отломил кусок каравая и, обмакнув его в соль, отправил его в рот. – Наконец-то я до тебя добрался. Я же у тебя так ещё ни разу и не был. А ты, я смотрю, неплохо устроился!

– Во многом твоими стараниями, Славий, – улыбнулся в ответ Гленард. – И с твоей помощью.

– Не преуменьшай свои заслуги. Ты всё это заслужил. И процветание Кратхольма, о котором ныне столько говорят в Империи – это твоя заслуга, а не моя.

– Спасибо, Ваше Величество. Позволь представить тебе моего стюарда – мастера Миррарда. Позволь представить начальника местного отделения Тайной Стражи лейтенанта Крейгана. Позволь представить командира армейского гарнизона, капитана Бальтасара.

Названные поклонились Императору. С ними поклонились и все присутствующие слуги замка. Император медленным торжественным кивком приветствовал их в ответ. Гленард отдал каравай юной улыбчивой служанке, блондинке по имени Абелин, которая смущенно улыбнулась и покраснела в ответ на веселую улыбку Славия. Славий подошел к Гленарду и крепко его обнял.

Донрен, тем временем, спешил. Переваливаясь с ноги на ногу, он, подойдя к Гленарду, дождался, пока Славий выпустит того из объятий, и, в свою очередь, крепко обнял Гленарда. Потом отстранился и, улыбаясь, похлопал Гленарда по плечу.

– Взрослеешь, Гленард, – усмехнулся Донрен. – Да и располнел слегка. С мечом-то не забыл, как обращаться?

– А ты, проверь, Донрен, – хитро улыбнулся в ответ Гленард.

– Пожалуй, обойдемся без этого, – Донрен рассмеялся. – В другой раз, обязательно. А нынче лучше покорми нас, твоя милость. Дорога длинная. Ехали быстро, устали, проголодались.

– Проходите, гости дорогие, – Гленард широким движением руки пригласил их внутрь замка. – Отведайте моей пищи и моих напитков. Миррард, пожалуйста, позаботься обо всех остальных.

– Конечно, ваша милость, – засуетился Миррард, – сию минуту.

Пару часов спустя, когда короткая северная летняя ночь, наконец, накрыла округу покрывалом тьмы, высоко на небе засверкала яркая россыпь алмазов звезд. В канавах громко запели хором лягушки, а большие совы, привлеченные этим пением, бесшумными тенями парили над лугами, как бесплотные духи, предвещающие неминуемую смерть кому-то из обитателей разнотравья равнин и опушки леса.

На большом столе, за которым сидели Гленард, Славий и Донрен, к тому времени почти не осталось ни запеченного поросенка, ни голубей, ни каплунов, ни картофеля, ни пареной репы, ни сыров, ни колбас, ни еще теплых, только что испеченных хлебов, ни разнообразных соусов. Всё это присутствовало на блюдах и в мисках только в виде костей и остатков.

Не один кувшин опустел к этому времени, но неутомимые слуги всё приносили и приносили новые яства и напитки. Наконец, Славий, откинувшись на высокую спинку стула, посерьезнел и кивнул Гленарду. Гленард, кивнув в ответ, хлопнул в ладоши и приказал мгновенно появившимся слугам убрать со стола, принести еще вина и оставить их одних. Что и было незамедлительно исполнено.

– Спасибо тебе, Гленард, – поблагодарил Славий. – Хозяин ты воистину хлебосольный.

– Ну, так не абы кого принимаем, – развел руками Гленард, – дорогих друзей и важнейших персон. Как не расстараться для двух самых могущественных людей в этом мире.

– Ну, про Славия ты прав, – усмехнулся Донрен, – а вот я, всё-таки, далеко не из самых могущественных. Пожалуй, Галир Кадирской Империи поможественнее меня будет.

– Не прибедайся, Донрен, – сделав очередной глоток из кубка, ответил Гленард. – Уверен, что тебе прекрасно известны пределы возможностей и Кадирской Империи, и ее правителя.

– Естественно, – кивнул Донрен, – поэтому так и говорю.

– Ну, как скажешь, – пожал плечами Гленард. – Тебе виднее. Ну, что, друзья? Сыты ли вы? К делам?

– Сыты и даже, прямо скажу, объелись, – Славий погладил себя по животу. – Давай к делу. Брайн тебе всё рассказал?

– Он рассказал, что ты собираешься встречаться с бьергмесами. Заключение новое соглашение. Я предположил, что есть какая-то еще цель твоего визита. Брайн не стал отрицать, но сказал, что ты сам всё расскажешь.

– Правильно, – согласился Славий. – Он и сам не всё знает.

– Кстати, а где он? – поинтересовался Гленард. – Я думал, что он приедет вместе с вами.

– Будет послезавтра. Как раз, когда король Тарстен прибудет. Брайн решил лишнюю пару дней побыть с женой.

– Ну, да, – усмехнулся Гленард, – ее светлость Влеску опасно оставлять одну надолго. Того и гляди, прибьет по возвращении.

– А кстати, Гленард, а где Лотлайрэ? – удивился Славий.

– Во Флернохе, где же ещё, – помрачнел Гленард.

– Что-то случилось?

– Ну, как сказать... Барон Винред не особо хорошо себя чувствует, Лотлайрэ с ним. Но это официальная версия. Похоже, что ей просто не очень нравится север. Холодно здесь, и всё не так. Пахнет по-другому. В лесу листва не пахнет, по ее мнению.

– А что, и правда не пахнет?

– Ну, не пахнет, – скривившись, согласился Гленард. – По крайней мере, не так, как во Флернохе. Лотлайрэ говорит, что здесь всё не её, что она чувствует себя здесь, как в ловушке.

– И что будете делать?

– Пока не знаю, – пожал плечами Гленард. – Как ты знаешь, я здесь весьма крепко обосновался. А Лотлайрэ пока живет на два дома. Пару месяцев здесь, пару месяцев там... Ты же знаешь, что спорить с ней невозможно. Дети тоже с ней ездят туда-сюда. Надеюсь, всё образуется...

– Тоже надеюсь, и желаю тебе скорейшего решения этой проблемы.

– А как, кстати, Ниара поживает, Славий?

– Хорошо, спасибо. Не знаю, доходили ли до тебя слухи...

– Доходили, – улыбнулся Гленард.

– Ну, значит, ты понимаешь. Наконец-то.

– Наконец-то, – согласился Гленард. – Империи нужен наследник.

– И не говори. Вон, Донрен, всё переживает, что наследника у династии нет. Теперь, надеюсь, коли Боги помогут, всё образуется.

– Удачи вам с Ниарой, Славий.

– Спасибо, дружище. Спасибо. Да и мне хочется уже отцом побыть. Всё-таки первый ребенок...

– Возможно, что не первый, – покачал головой Гленард.

– В смысле? – вытаращился Славий, Донрен поднял бровь.

– Помнишь, госпожу Весницу во Флернохе? Она родила сына. Мы не знали, кто отец, она так и не сказала до самой своей смерти во время Багряной Весны. Возможно, и сама не была уверена. Но ребенок подрос и как-то мне кажется, что похож он на тебя, Славий.

– Вот это новости... – улыбнулся Славий. – Почему ты молчал?

– Мы с Лотлайрэ не были уверены. Сейчас уверенности прибавилось. Да и случая сказать не было.

– Это прекрасная новость, Гленард, спасибо!

– А вот, Донрен, похоже, не так рад, – усмехнулся Гленард.

– У меня профессиональная деформация, – широко улыбнулся Донрен, с кубком в руках развалившийся на стуле. – Я из этой новости сразу выцепил угрозу спокойствию Империи. Внебрачный ребенок Императора – это всегда возможность того, что кто-то захочет использовать его в своих целях и захватить трон.

– Ну, на роль наследника Империи Миллеш, так его зовут, точно не годится, – возразил Гленард – Во-первых, внебрачный, во-вторых, не от благородной матери, и в-третьих, собственно, не известно, Славия ли это на самом деле сын. Но я бы просил тебя, Славий, всё-таки не оставить мальчика без поддержки. Возьми его в столицу, пристрой куда-нибудь пажом. Мальчик умный, может, и получится из него что-то дельное. Вдруг и для Тайной Стражи сгодится, а, Донрен?

– Доживём, увидим, – усмехнулся Донрен.

– Хорошо, Гленард, так и сделаем, – кивнул Славий. – Давай теперь к делам. Время всё-таки позднее, уже и спать пора, по-хорошему.

– Давай.

– Брайн должен был тебе рассказать о том, что мы встречаемся с королем Тарстеном. Целью этой встречи является расширение договоренностей, установленных Кратхольмским пактом. Бьергмесеы получают больший доступ на рынки Империи, больше прав, больше защиты. Взамен мы расширим поставки продовольствия бьергмесам. Они, конечно, и сами выращивают много чего, но их становится больше, а мест, пригодных для сева, да еще и с плодородной землей, в горах не так много. Это уже решено.

– Но есть ещё что-то, правда? – догадался Гленард. – Иначе, если всё решено, можно было не устраивать тайных встреч, а торжественно всё подписать в Рогтайхе, воспользовавшись случаем продемонстрировать всей Империи хорошие отношения двух народов. Что на самом деле за этим стоит, Славий?

– Ты, как всегда, прав, – Славий кивнул и налил себе еще вина из кувшина. – Два с половиной года назад, а кажется, что целую вечность, сразу после коронации, мы сидели с тобой во дворце и обсуждали всякое, помнишь?

– Конечно, помню. Моя история в Кратхольме оттуда и началась.

– Ну, так вот, тогда, говоря как раз о Кратхольме, ты говорил, что это может стать прекрасным местом для важных тайных встреч вдали от глаз столичной аристократии. Помнишь?

– Помню.

– И я это запомнил. И когда мне такая встреча понадобилась, я об этом вспомнил.

– С кем ты встречаешься, Славий?

– Здесь необходима небольшая предыстория. Если помнишь, мы еще до коронации обсуждали, что Империи нужно обновление. Империи нужно развитие. За это время многое было изучено и обсуждено. Я считаю, что та цеховая система, которая существует сейчас, чрезвычайно тормозит развитие Империи. Все эти цеха, гильдии, объединения мастеров. Мастера уцепились за свои места, за свои должности, передают их по наследству. Развиваться не хотят, новые технологии осваивать не хотят, думают лишь о том, как задушить конкурентов, иногда буквально, и о том, как карманы набить. Все эти цеха стали такой своеобразной закрытой аристократией. Если ты не сын мастера или не платишь огромных взяток, мастером тебе в боль-

шинстве городов просто не стать. Множество умелых и даже действительно талантливых ребят вынуждены десятилетия проводить сначала учениками, а затем подмастерьями, не имея возможности стать мастерами и открыть свои мастерские. В Империи огромное количество подмастерьев, которые не могут стать мастерами и, вероятно, никогда не станут. А многие мастера просто не берут учеников. И даже тех полноправных мастеров, которые пытаются делать что-то новое, улучшать технологии, развиваться, одергивают и останавливают. Потому что другие мастера, сидящие в советах всех этих цехов, боятся конкуренции. Вот и долбят по голове, опять же иногда вполне буквально, тех, кто чем-то выделяется. Ну, разве можно в таких условиях развивать Империю, тем более быстро? Не пора ли избавиться от этой устарелой системы цехов? Выбросить ее на помойку истории. Как думаешь?

– Возможно. Вполне возможно.

– Вот, я знал, что ты со мной согласишься. А вот Донрен, например, не согласен. Да, Донрен?

– Я просто считаю, что быстро разрушать сложившуюся веками систему, устойчивую систему, очень опасно. Лучше ее постепенно реформировать. Договариваться, влиять, подкупать, интриговать. При необходимости устранять угрозы, иногда, как выражается Его Величество, буквально. Пусть это займет десятилетия. Пусть даже столетия. Но это будет практически естественный процесс, не влияющий на стабильность Империи. Однако это всего лишь моё личное мнение. Я солдат Императора, и я следую пожеланиям Императора и исполняю их со всем возможным рвением, каким бы ни было мое личное мнение.

– Спасибо, Донрен, – Славий отсалютовал Донрену кубком. – Ну, так вот. Отрадно, что далеко не всех мастеров устраивает нынешняя диктатура цеховых старост. Есть достаточное, большое, если честно, количество мастеров, которые хотели бы разрушить цеховую систему и стать полностью независимыми. Они хотят иметь возможность самостоятельно открывать мастерские там и тогда, где и когда они хотят. Они хотят изготавливать то, что они сами считают нужным и по тем технологиям, которые им нравятся. И пусть рынок сам решит, кто хороший мастер, а кто плохой. Да, цеха порой поддерживают мастеров, но эту поддержку довольно легко заменить поддержкой императорской или местной герцогской. Хорошая мысль? И с ней многие согласны. Но есть проблема.

– С этой мыслью не согласны цеховые старосты и цеховые советы, – продолжил за Славия Гленард.

– Конечно. А еще часть мастеров, в основном, недостаточно талантливые и старые, которые боятся перемен. И справедливо боятся, надо сказать, потому что конкурировать зачастую они не могут ни с бьергмесами, ни с кадирами, ни со своими собственными подмастерьями.

– И это большая сила, – заметил Гленард. – У них есть деньги. Возможности. Влияние. Поддержка подкупленной аристократии.

– Совершенно верно, – развел руками Император. – И как только мы начали этот процесс, только начали общаться с теми мастерами, которые хотели бы что-то изменить, только стали что-то обсуждать, нам сразу намекнули. Очень аккуратно, не угрожая, ни в коем случае, со всем возможным уважением, просто намекнули. Что если мы решим ослабить власть цехов и изменить существующую систему, мастера просто перестанут работать. У цехов накопились огромные богатства. Их хватит на то, чтобы кормить лояльных мастеров и год, и два. Небогато, конечно, кормить, но достаточно, чтобы переждать. А вот переждет ли Империя пару лет, потеряв половину производства, переживет ли и какой ценой – это большой вопрос. И насколько будут этим довольны и простые люди, и, главное, нобилитет, это еще один большой вопрос. И переживет ли Император это недовольство – это тоже вопрос. Вот такой намек мы получили и услышали.

– Ты хочешь, чтобы бьергмесы заместили своими товарами то, что Империя потеряет из-за демарша цеховых мастеров? Об этом, на самом деле, пойдет речь на встрече? – догадался Гленард.

– Молодец, друг! – ударил ладонью по столу Славий. – Именно так. Но не только. Я решил воспользоваться случаем и встретиться в спокойной обстановке с несколькими влиятельными независимыми мастерами, которые станут моей опорой в этом, так сказать, восстании мастеров. И заодно познакомить их с королем Тарстеном. Фактически именно эта встреча должна стать началом конца цеховой системы. Началом новой эры для Империи. И эта новая эра начнется именно под крышей дома твоего, Гленард. Мы здесь с тобой для того, чтобы творить историю, не меньше.

– Но Донрен, как я вижу, и этим недоволен.

– Я переживаю, Гленард, что мы становимся зависимыми от бьергмесов, – Донрен вздохнул, – которые, несмотря на всю историю наших взаимоотношений, не друзья нам и не подданные Империи. Они себе на уме. У них постоянные внутренние раздоры и ссоры между всеми этими их кланами. Сегодня мы договоримся с Тарстеном и поставим всю Империю в зависимость от него. А завтра Тарстена скинет какой-нибудь другой клан, и мы в итоге останемся и без товаров, и без мастеров и, вполне возможно, без головы. Но опять же, это мое личное мнение. А что касается дела, то в нем я полностью поддерживаю Императора и согласен с его решением. На самом деле согласен, идея хорошая, но опасная. Что ж, будем жить с этой опасностью и придумывать, как ее избежать.

– Сколько мастеров приезжает? – поинтересовался Гленард. – Мне бы знать количество хотя бы. Мы же их в замке будем размещать, как почетных гостей?

– Было бы хорошо, Гленард, – одобрил Славий. – Их не так много, всего четверо. Мастер Анжен из Долгополя, оружейник. Мастер Берхард из Ардальвильда, кожевник. Мастер Конрад из Таргарана, столяр, мебельных дел мастер, краснодеревщик. Отличный мастер, кстати, даже у меня во дворце его мебель есть. И госпожа Эрмелинда из Байлура, мастер белошвеек.

– Белошвеек? – Гленард усмехнулся.

– Нет, настоящих белошвеек, которые шьют.

– Хорошее представительство. Ну, четверых как-нибудь разместим. И короля Тарстена со свитой, конечно, тоже. И вас с Донреном.

– Поместятся все? – усомнился Славий. – Дом, вроде бы, не такой большой...

– Этот дом больше, чем кажется, – пожал плечами Гленард. – В крайнем случае, можем тебя с Донреном разместить в темницах в подземелье, если не возражаете.

– Нет уж, спасибо, – расхохотался Славий. – Темницы давай пока оставим в покое. А то прознает кто, не так поймут. Пришлют еще войско твой Кратхольм осаждать, чтобы меня вызволить. Дескать, барон ан Кратхольм сбрендил и пленил Императора Андерриоха. Хотя, бывало, случалось и в менее удобных местах ночевать.

– Ладно, не хочешь экзотики, дам тебе обычную хорошую комнату. Но у меня тесновато, предупреждаю сразу. Комнат много, но все маленькие.

– Есть ещё кое-что, Гленард, – остановил его Славий жестом.

– Что, Славий?

– Помимо встречи с мастерами и бьергмесеми, я планирую здесь встретиться еще и с нашим общим старым знакомым. С Ролленом.

– Роллен? – удивился Гленард. – А ему-то что здесь делать?

– А вот это, кстати, интересно, – Славий хитро прищурился. – Мы с ним за это время довольно часто встречались, обсуждали, как сделать жизнь разных рас в Империи лучше. И он предложил устроить встречу с одним из вождей вархов. Чтобы, так сказать, улучшить взаим-

ное знание народов друг о друге и, возможно, даже установить взаимные дипломатические отношения.

– Ого! – поднял брови Гленард. – Ты станешь первым Императором, который будет встречаться с вождями вархов. Да и вообще, вероятно, первым человеком, который поговорит с кем-то из вождей вархов.

– В Рогтайхе вархи эту встречу проводить категорически отказались. А здесь, на севере, у подножия их гор, они вполне готовы встретиться. Мы с Ролленом долго откладывали эту встречу, но раз уж я здесь, почему бы не встретиться и с ними?

– Ну, что ж, – Гленард встал из-за стола, – похоже, что замку Кратхольм суждено еще раз войти в труды историков. Да и нам всем, вероятно, тоже.

– Ну, Гленард, ты же любишь исторические книги, – тоже встал Славий, – вот тебе и шанс оказаться в одной из них. Ладно, поздно уже, благородные господа. Пойдемте спать. А завтра, дружище, покажи нам, пожалуйста, свои владения. Очень хочется посмотреть, как у тебя тут дело развернулось. Аж в Рогтайхе слухи ходят, вот и представился шанс самому на это чудо взглянуть.

– Чудо сомнительное, Ваше Величество, но, конечно, завтра всё расскажу и всё покажу. А сейчас, спокойной ночи, друзья. Эй, слуги! Проводите Его Величество и его светлость в их комнаты. И приберите здесь всё.

– Не спится, Донрен? – Гленард вышел на крыльцо, где стояла, всматриваясь в темную даль, невысокая кругленькая фигура герцога Верверрига. На востоке небо уже начало светлеть в ожидании скорого рассвета. Было прохладно и тихо.

– Да, что-то как-то захотелось воздухом подышать. Знаешь, Гленард, я ведь очень редко выбираюсь за пределы Рогтайха. Столько дел сейчас навалилось. Славий хочет всё поменять, а я пытаюсь предугадать, как эти дела отзовутся. Что бы ни делал Император, моя задача сохранить спокойствие в Империи. А во время перемен это сложнее всего.

– Время перемен? – задумчиво переспросил Гленард.

– Время перемен. Оно самое, будь оно неладно. Не обращай внимания, просто стариковские жалобы. Я ведь прекрасно понимаю, что даже без всего этого были бы другие угрозы для Империи. И, может быть, куда более серьезные.

– Что вообще в Империи происходит? – поинтересовался Гленард. – Что нового?

– Да, всё так же. Люди рождаются, растут, влюбляются, трахаются, женятся, рожают, стареют, умирают. Ненавидят, интригуют, делают друг другу подлости, доносят друг на друга, воруют, убивают, насилуют, грабят, изменяют, лгут, лицемерят...

– Не любишь ты людей, Донрен.

– Люблю, Гленард. Но ты же сам понимаешь, что мою жизнь, в основном, составляет как раз это всё. Я понимаю, что люди хорошие. Многие из них, по крайней мере. В жизни, вероятно, гораздо больше хорошего, чем плохого. Но посмотри, с кем я работаю. Преступники, убийцы, шпионы, извращенцы, заговорщики и прочая мразь. Именно это меня окружает. Эта грязь, эта кровь, это говно – вот моя жизнь. И я вычерпываю это говно из нужника, вычерпываю своими руками и своим сердцем, каждый день, для того, чтобы это говно не затопило всю Империю, и чтобы наш добрый друг Император мог спокойно делать Империю лучше, не боясь утонуть в этом говне. Вот моя жизнь. Ты от нее сбежал, у тебя здесь лесочки, грибочки, горы, кучи золота и драгоценных камней. Не подумай, что я тебя обвиняю. Ты прав, Гленард, полностью прав, ты вовремя ушел. А я вовремя не ушел, и поэтому теперь обречен вечно, покуда могу держать меч в руках, разгребать это говно. Потому что без этого говна нет и меня. Я нужен, только покуда я это говно выгребаю. Если я уйду, этого говна меньше не станет, но без меня Империя в нем утонет. Вот так и живем. Я люблю людей, Гленард, правда люблю. Но ты сам понимаешь, ты умный, и ты сам полковник Тайной Стражи, пусть и в отставке. Ты пони-

маешь, как это всё отражается на мыслях, на суждениях о людях и на отношении к человечеству в целом.

– Приезжай ко мне на пару месяцев Донрен. Оставь говно заместителям на время и приезжай сюда. Просто отдохнуть. Поохотимся, порыбачим, по лесочкам походим, грибочки пособираем с крестьянками. Будем напиваться и петь, каждый вечер. Про мороз и про ворона. Здесь, на севере, такие душевные песни... Приезжай.

– Может, и приеду. Впрочем, я ведь и так уже здесь. Вот разберемся со всеми этими встречами, и можно и грибочки пособирать пару дней. В любом случае полезно вырываться из Рогтайха время от времени. Хорошо у тебя здесь. Хорошо.

– А что думаешь, получатся у Славия его преобразования?

– Кто знает? – пожал плечами Донрен. – Хорошо, если получатся. Но будет непросто. Очень непросто.

– А разве бывает просто во время перемен?

– И то правда. Понимаешь, мне кажется, что Славий на всё бросается сразу. И сразу круто берет: всё разрушить до основания, а затем строить что-то новое. Я больше сторонник постепенных последовательных преобразований. А Славий человек увлекающийся и, скажем прямо, пока еще неопытный. Он бросается на одно, начинает что-то разрушать. А потом, не закончив одного, начинает бросаться на другое. И тоже до основания, а затем... В итоге, дела накапливаются, а решать проблемы некогда, Славий занят уже чем-то новым. Вот и приходится всем остальным вместе это как-то разбирать. Мысли у него правильные. Идеи хорошие. Реализация недоработана. И того говна, которое приходится разгребать мне, от этого становится всё больше и больше. И я начинаю бояться, что когда-нибудь моих ладоней не хватит на то, чтобы всё это вычерпать и разгрести. Но, будем надеяться, что всё обойдется. Всё будет хорошо, Гленард. Не обращай внимания. Просто старик Донрен усталый и пьяный.

– Пойдем спать, Донрен, – Гленард приобнял Донрена. – Утро вечера мудренее. Отдохнем, и всё станет лучше.

– И то правда, Гленард. Пойдем спать.

– Спокойной ночи, Донрен.

– Спокойной ночи!

Глава III

Махнула она рукой направо – изумруды посыпались, махнула рукой налево – золотые монеты. И пока гости собирали всё это, оборотилась она снова лебедушкой и улетела в дали далекие.

Профессор Михал из Пролеска. «Сказки и легенды народов севера».

Фаршированные щуки

Возьми щук и оставь на них кожу, но подними ее до ушей. Затем возьми любой вид рыбы, какой ты желаешь, свари ее, вынь из нее кости, нарежь ее с шалфеем, перцем, тмином и шафраном. Заполни щуку этим, посоли снаружи и положи ее на сковороду, и пожарь хорошо, хотя и не слишком пережаривай.

Рано утром выехать на осмотр баронства не удалось. Легли поздно, поэтому и встать рано было выше сил. Пока все проснулись, пока позавтракали, пока, не спеша, шутя и споря, собрались во дворе замка... В общем, выехали, уже когда солнце перевалило за полдень.

На этот раз Гленард смог-таки уговорить Донрена отказаться от большого эскорта охраны для Славия. В спокойном Кратхольме, рядом с вооруженными Донреном и Гленардом Славью, как заверял Гленард, ничто не угрожает. Скрепя сердце, Донрен, долго споривший, но, в итоге, махнувший рукой, согласился оставить основную часть эскорта в форте рядом с замком. Славий же, в свою очередь, приказал двум оруженосцам остаться в замке и заняться приготовлениями к завтрашнему визиту короля Тарстена. В итоге, из замка Гленард, Славий и Донрен выехали в сопровождении всего лишь четверых стражей, державшихся чуть поодаль позади них.

Дорога, выходя из ворот замка, обвивала собой холм и углублялась в дубраву. Высокие и раскидистые вековые дубы склоняли ветви над дорогой, погружая путь в слегка таинственный полумрак.

– С точки зрения обороны, – заметил Донрен, – такой плотный лес прямо рядом с замком весьма опасен.

– Конечно, – кивнул Гленард, – но здесь уже триста лет ни от кого не оборонялись. Да и потом, ты же видел мой замок. Какая там оборона, захватить его даже для небольшого отряда совсем не проблема. Моя оборона – это хорошие отношения с соседями.

– Дубы выглядят древними, – Славий с уважением осмотрел дубраву, – им лет по сто, а то и по двести.

– Есть местная легенда, – повернулся к Славью Гленард, – о том, что эти дубы посадили вместе Император Браннен и король Гильднесверд после заключения Кратхольмского пакта. Но я думаю, что это неправда. Может, какое-то одно деревце они и посадили, но дубравы здесь были и до них. Хотя бы судя по имени замка и баронства. В любом случае, дубы обновляются. Старые умирают, новые вырастают. В глубине леса я встречал огромные деревья. Им лет по четыреста, еще застали, наверное, доимперские времена. Но большей части деревьев лет по сто пятьдесят – двести. Когда-то, говорят, дубы покрывали всю территорию Кратхольма, вплоть до гор. Но сейчас осталась только эта дубрава около замка и еще несколько дубрав на юго-востоке.

– В Кратхольме много лесов? – поинтересовался Славий.

– Сейчас не очень много. Леса занимают юго-восточную часть баронства. Всё остальное – это поля, луга и холмы. Леса очень сильно пострадали за последнюю сотню лет. Сейчас вырубать леса в баронстве я запретил. Только старые и больные. Древесину и уголь мы покупаем

в других баронствах Сидлерда и даже во Фьотдайхе и в Клафтхорде. Это дороже, чем вырубать леса здесь, но мне хочется сохранить хоть что-то для детей и внуков.

– В основном, леса дубовые? – спросил Славий.

– Не только. Дубов, к сожалению, осталось не так много. Надо будет заняться этим, высадить желуди. Много сосен, берез, осин. Есть буки, рябины, тополя. Ёлки, конечно, куда же без них.

Дорога, тем временем, вывела путников из леса, и они оказались в деревне. Ржали кони. Мычали коровы. Перекрикивались возницы на телегах и грузчики, сгружающие с телег мешки и забрасывающие на телеги другие. Кудахтали куры. Визжали, играя во что-то, дети. Было шумно.

При виде Императора и барона, однако, все затихали и, срывая с голов шапки и шляпы, почтительно кланялись. Славий и Гленард приветствовали крестьян кивками.

– Это у нас основное торжище и склад, – пояснил Гленард. – Вон, видите, амбары. Вон там дровяной и угольный склады. Там, справа, склад металла, кож и всяких инструментов. Дальше рынок, сюда приезжают многие купцы из других баронств. Сюда же приходят и крестьяне на закупки. Но сегодня там пусто, не торговый день. Там, чуть поодаль, копильня, а вон там – сыроварня.

– Я смотрю, – покачал головой Славий, – хозяйство у тебя поставлено на широкую ногу. Что выращиваешь?

– Хозяйство неплохое, да, – гордо улыбнулся Гленард. – Когда я сюда приехал, здесь было всего гораздо меньше. Да, если честно, почти ничего не было. Выращиваем мы много всего, с учетом нашего северного положения. Пшеницу, овес, рожь, картошку, капусту, репу. Есть яблочные сады, я вас потом сидром угощу, очень знатный он у нас получается. Да и мед тоже надо обязательно попробовать. Пасек у нас немного, но те, что есть, дают мед просто изумительный. Из мяса есть почти всё: коровы, свиньи, овцы, козы, куры. Коровы, в основном, молочные. Молока много, делаем сыры. Много шерсти. Да и лен выращиваем. Вон там мастерские ткачей и швей.

– А там – армейский форт? – Донрен указал на частокол на небольшом холме за деревней.

– Точно. Солдат у нас немного, пять десятков. Но куда же мы без форта, всё-таки пограничье.

Тем временем, друзья проехали деревушку, снова ставшую шумной за их спинами – нужно же было обсудить такое событие – и выехали на дорогу, ведущую на север, к горам, через бескрайние поля, раскинувшиеся по обеим сторонам дороги.

– А не такое маленькое у тебя баронство, как я посмотрю, – улыбнулся Славий.

– Не маленькое, – согласился Гленард. – С севера на юг около двадцати километров. С запада на восток, когда я приехал сюда, было около тридцати километров. А сейчас почти в два раза больше.

– Пошел войной на соседей? – удивился Славий.

– Нет, – рассмеялся Гленард, – всё гораздо проще. Просто выкупил в прошлом году часть земель у соседних баронств. У барона Фрутбаренг на западе и у барона Угельскиг на востоке отсюда. Они много лет были в долгах и были рады немного облегчить эту ношу. Герцог Брайн тоже не возражал. В конце концов, должны они были именно ему, и в итоге деньги получил он.

– И, как я слышал, тебе он должен тоже немало – усмехнулся Донрен. – Посему в итоге деньги, вероятно, вернутся к тебе.

– Что-то вроде этого, – согласился Гленард. – Дела у Брайна идут, в принципе, неплохо. Хорошие торговые связи, хорошо продается лес и на запад, и на юг. Вот только госпожа Влеска, как я слышал, не дает Брайну слишком уж богатеть, предпочитая вместо этого делать богатыми портных и ювелиров в столице. Поэтому Брайну временами приходится занимать и у меня.

Впрочем, в плане экономического развития герцогство Сидлерд в целом переживает не самые лучшие времена. В основном, справляется только с обеспечением себя едой. Из торговли в другие герцогства ныне Сидлерд поставляет только лес, без существенных перспектив для развития. Единственное баронство Сидлерда, которое быстро развивается и процветает, это Кратхольм. Но Брайн от этого ничего не получает, поскольку Император освободил Кратхольм на пять лет ото всех налогов и податей, за что тебе еще раз огромное спасибо, Славий. Вот Брайн и ждет, когда эти пять лет закончатся. Похоже, тогда Кратхольм будет кормить всё герцогство.

– Ну, и в чем же великий секрет Кратхольма? – посмотрел на Гленарда Славий. – Не только же в освобождении от податей.

– А вот это мы с вами скоро увидим, – таинственно улыбнулся Гленард. – Секрета никакого особенного нет. Просто мне очень повезло по одному направлению, и это позволило развиваться всей остальной экономике баронства.

Дорога вела на север, к горам, между вспаханных полей, где-то уже засеянных, а где-то как раз в процессе сева. Крестьяне работали в полях, широкими движениями разбрасывая семена злаков и закапывая клубни картофеля. На зеленых склонах невысоких холмов паслись коровы, овцы и козы. Шмели и пчелы вились вокруг придорожных цветов. Теплый ветер приносил запахи трав и земли.

Песчаная утоптанная дорога была почти пустынной. Лишь раз процессия обогнала две большие телеги, везущие уголь на север. Затем вдалеке впереди показался столб пыли, явно свидетельствующий о большом количестве всадников,двигающихся навстречу эскورتу Императора. Донрен насторожился.

Наконец, всадники приблизились настолько, что их можно было хорошо рассмотреть. Это оказался странный экипаж: обитая железом закрытая карета, выкрашенная в черный цвет, стремительно влекомая двумя мощными серыми лошадьми. На облучке кареты сидели двое возниц, одетых, несмотря на теплый день, в пластинчатые доспехи поверх кольчуг. На головах у них были конические шлемы с наносниками. К стенке экипажа рядом с ними были прикреплены круглые щиты и топоры. Сопровождал экипаж эскорт из десяти полностью вооруженных всадников, едущих близко позади кареты. Возницы, узнав Гленарда, поклонились, не останавливаясь. Странная процессия промчалась мимо и уже скоро исчезла из виду, оставив за собой лишь клубы дорожной пыли.

– Кто это был? – спросил Славий.

– Вывоз готовой продукции с рудников, – пояснил Гленард. – Мы стараемся ничего не хранить здесь в больших количествах. Сами понимаете, людей у нас мало, а всяких воров и бандитов наш товар привлекает сильнее, чем мед манит пчел. Поэтому всё, что производится за день, на следующий день отправляется на продажу. У нас пара десятков таких постоянно курсирующих экипажей. Ну, и охрана соответствующая.

– И куда едет этот экипаж? – заинтересовался Славий. – В Слотсквен?

– Нет, прямо в Рогтайх. Хотя в Слотсквене они на ночь обязательно остановятся. А потом и Сабхайде. Ну, и в нескольких надежных замках между ними.

– Не слишком ли дорого содержать такие эскорты? – усомнился Донрен. – Особенно с учетом охраны мест ночевки.

– Не особенно, – пожал плечами Гленард. – Примерно одна сотая от стоимости товаров, которые они перевозят. А показывая серьезность своих намерений, мы бережем и наши товары, и жизни наших возниц.

– И что, не было нападений? – спросил Донрен.

– Были, конечно. Два раза. Один раз во Фьотдайхе, другой прямо рядом с Рогтайхом. Оба успешно отражены. Большая часть нападающих убита на месте. Сбежавшие быстро най-

дены, жестоко измучены и публично повешены. Мне пришлось заплатить много золота, чтобы их быстро найти, но это был принципиальный вопрос. Да и вложения эти уже многократно окупились тем, что теперь на наших перевозчиков нападать остерегаются. Есть много других, более доступных, целей.

– Суров ты, Гленард, – покачал головой Славий.

– Не суров, – возразил Гленард, – рационален. Да и всегда таким был. Если есть угроза, ее надо устранить максимально быстрым и простым методом. Это как раз согласуется с принципами Тайной Стражи. Да, Донрен?

Донрен, не отвечая, усмехнулся.

Дорога заканчивалась у подножия гор. Среди вырастающих из-под земли невысоких пока обрывистых скал были разбросаны несколько аккуратных деревянных и каменных строений. Из высоких кирпичных труб на крышах нескольких из них валил густой дым. Чуть в стороне по кругу ходили лошади-тяжеловозы, вращающие рычаги, связанные через систему шестерен с большими кожаными мехами, размеренно качающими воздух куда-то за каменную стену. Такой же круг с лошадьми был и с другой стороны площадки, но присоединен он был к какому-то другому хитрому устройству.

Воздух был наполнен стуком молотов по камню и металлу, выкриками людей, ржанием лошадей, грохотом тачек и телег. Обычный шум рудника.

– Вот это и есть главное богатство Кратхольма на сегодняшний день, – начал рассказывать Гленард, спешиваясь и привязывая поводья своего гнедого иноходца к невысокой коновязи. – Вон там, видите пещеру? Это основной вход в шахты. Под землей он разветвляется на множество штреков, из которых добывают руду.

– А из руды добывают главный товар Кратхольма, – подхватил Донрен. – Золото.

– Не только, – покачал головой Гленард. – Золото лишь один из наших продуктов. И не самый прибыльный, если честно. Гораздо интереснее жилы драгоценных камней, которых здесь тоже много. Сапфиры, изумруды, аметисты, рубины, шпинель, гранаты, топазы. Ну, и серебро, естественно, вместе с золотом. Они часто присутствуют в одной породе. Кратхольм сейчас является третьим в Империи поставщиком золота, вторым поставщиком аметистов и топазов и главным производителем сапфиров, изумрудов и рубинов. Я не знаю, слышал ли ты, Славий, но половина золотых монет в Империи сейчас чеканится из нашего золота. Плюс мы сотрудничаем с большинством крупных ювелиров в Рогтайхе.

– И обрабатываете вы камни и золото тоже здесь? – заинтересовался Славий.

– Только частично. Мы выплавляем золото из руды. Слышите удары молотов? Это дробят руду перед загрузкой в плавильную печь. Вон то дымящее здание – это плавильня. Видите, кони крутят колесо, качающее меха для разогрева печи. Второе колесо, кстати, для откачки воды из шахт. На выходе из плавильни получают слитки, в которых примерно шесть десятых золота, три десятых серебра и одна десятая всяких примесей. До восьми килограммов такого сплава в сутки. Мы доставляем эти слитки в Рогтайх, и там ювелиры с помощью кислот разделяют золото и серебро и отделяют ненужные примеси.

– А почему вы здесь этого не делаете?

– Дорого и сложно везти реагенты. Проще сделать это в Рогтайхе. Но мастерские, которые перерабатывают наши заготовки, тоже почти полностью принадлежат мне.

– А кому еще? – поинтересовался Славий.

– Адельхарту ан Стеркоккс. Это такой бьергмес, фактически глава всех столичных бьергмесов.

– Это интересно, что ты про него сказал, – посмотрел на Гленарда Славий. – Я знаком с Адельхартом. И более того, он не далее как завтра прибудет сюда, в Кратхольм, поскольку он

является посредником в переговорах между Империей и королем Тарстеном. Очень приятный человек, то есть бьергмес. Но я не знал, что у вас с ним совместные дела.

– Как видишь, мир тесен, – развел руками Гленард.

– А камни тоже сами не обрабатываете?

– Ну, глубокая обработка драгоценных камней – это большое искусство. Им пусть лучше столичные ювелиры занимаются. Мы здесь только отделяем драгоценные камни от породы, иногда немного шлифуем. А потом всё отправляем в Рогтайх ювелирам на окончательную шлифовку и огранку.

– И мастерские этих ювелиров тоже тебе принадлежат? – хитро улыбнулся Славий.

– Нет, – грустно покачал головой Гленард. – На ювелирные мастерские распространяются цеховые правила. Так просто мастерскую не купишь и не откроешь, даже с моими деньгами. Но я иногда даю деньги или камни ювелирам в долг. И с этого тоже имею небольшую прибыль. Но это, скорее, для улучшения взаимоотношений, чем для заработка. Поэтому я очень заинтересован в идее Славия о разрушении этой мерзкой цеховой системы.

– Не прибедняйся, Гленард, – широко улыбнулся Донрен, – всем известно, что ты за эти два с половиной года стал одним из самых богатых людей в Империи. Чуть ли не вторым после Императора.

– Ты преувеличиваешь, Донрен, – Гленард похлопал Донрена по плечу, – сильно преувеличиваешь. Боюсь, что я даже в десятку самых богатых людей Империи не вхожу. Хотя и намерен войти, если честно. Но если брать только баронов Империи, не учитывая графов и герцогов, то, пожалуй, я действительно один из самых богатых из них на данный момент.

– И как ты поступаешь с деньгами? – спросил Донрен. – Сваливаешь их в кучу и сидишь на ней, как дракон, наслаждаясь блеском золота и камней?

– Иметь кучу золота весьма накладно, Донрен. Постоянно волнуешься, кто бы эту кучу у тебя не покрал. Впрочем, тебе ли не знать. Естественно, у меня хранится пара сундучков на черный день, но моя куча золота весьма маленькая. Почти все деньги, которые я получаю, я трачу. Трачу на всякое горнорудное оборудование, на закупку угля и дерева, на развитие хозяйства в Кратхольме и во Флернохе и на развитие переработки продуктов этого хозяйства. В долг даю немного. Думаю еще вложиться в какие-нибудь торговые или производственные предприятия. Если цеховая система рухнет или ослабнет, буду рад собрать хороших мастеров и профинансировать открытие ими мастерских и их развитие. Рано или поздно даже богатые жилы моего рудника истощатся. Поэтому надо строить новые источники доходов, покуда есть такая возможность.

– А кстати, – оживился Донрен, – откуда всё это богатство? Ты знал о том, что здесь есть эти шахты? Как ты их нашел? До тебя же Кратхольм был мелким, почти вымирающим бедным баронством.

– Совершенно случайно, Донрен. Совершенно случайно. Просто повезло. Кратхольм меня привлек как раз своей удаленностью. Когда я сюда приехал, я начал много ездить по окрестностям, знакомиться с владениями. Однажды весенний ливень, а они здесь бывают очень сильными и мерзкими, холодными, застал меня в горах, вот здесь. Я решил укрыться в пещере, которую заметил. Развел костер, чтобы согреться. Решил осмотреться и увидел какие-то знаки, которые мне сначала показались просто рисунками пляшущих человечков. Потом присмотрелся и понял, что они больше похожи на бьергмесские руны. Стал осматриваться внимательнее и обратил внимание на то, что одна из стенок в глубине пещеры как будто насыпана из валунов. Вот здесь я совсем заинтересовался. Через пару дней пригнал сюда мужиков, и мы расчистили завал. За ним оказался вход в глубокие пещеры. Я стал их изучать, и увидел, как в свете факела что-то блеснуло в стене. Меня это настолько заинтриговало, что я привез профессора из Имперского Университета и он чуть с ума не сошел от радости. Говорил, что таких богатых золотых жил в жизни не видел.

– Да уж, никогда не знаешь, где тебе повезет.

– Деньги на строительство шахты у меня, спасибо Славия, были. Первые полгода, пока строили, было непросто. Было непонятно, как и что делать, как всё сделать правильно. Но там и книги я почитал, и с Адельхартом договорился. Его бьергмесы помогли организовать добычу, выплавку и обработку. Не бескорыстно, конечно. Прямо скажем, дорого. Но оно того стоило.

– Но откуда это здесь? – удивился Славий. – В предгорьях Башрайга такого нигде не находили. Может быть, таких жил много у бьергмесов, но ведь это территория Империи. А ты сам сказал про бьергмесские знаки.

– Не знаю, Славий. Может быть, таких жил в предгорьях не так уж и мало, только они пока не разведаны. А что касается территории Империи... Эти места ведь не всегда были имперскими землями. До Исхода из Шеангая и прихода людей сюда это была территория бьергмесов. Да и долгое время после. Только перед самой Бьергмесской войной и, соответственно, перед заключением Кратхольмского пакта, люди вытеснили бьергмесов из этих мест. Адельхарт предполагает, что это месторождение было найдено как раз незадолго до Кратхольмского пакта. А потом было спрятано и завалено, чтобы оно не досталось людям. В надежде на то, что бьергмесы когда-нибудь вернуться сюда.

– Возможно, Гленард, – согласился Славий. – Это выглядит правдоподобным. А что у тебя с железом? Империи не хватает хорошего металла для оружия.

– Железные руды есть. Не совсем здесь, в стороне, вон там, но есть и с неплохим содержанием железа. Но сталь – это штука сложная, поэтому до сих пор мы за нее еще не взялись. Золото закончится, займемся сталью. А золота нам на ближайшие пару десятков лет должно хватить.

– Сталь сложнее золота? – удивился Славий.

– Конечно. Само по себе железо очень мягкое. Из него нормального оружия не сделаешь, будет гнуться от каждого удара. Крепость стали придается добавлением угля при выплавке крицы железа из руды. Чем больше угля в железе, тем оно тверже. Но если чуть переборщишь с углем, то всё. Получается чугун, который ни на ковку, ни на что вообще не годится. Это сложная наука, чтобы довести уровень угля до нужного предела и ни в коем случае не больше. Кроме того, меч из твердой стали – это хорошо?

– Конечно.

– Не совсем, Славий, не совсем. Меч из твердой стали заточить – это целая проблема. Да и если заточишь, повторно заточить уже не получится, только перековывать. Поэтому наши людские мечи куются из трех полос железа, скованных вместе. Снаружи железо мягче, а внутри тверже. Это позволяет худо-бедно достичь сочетания и твердости, и эластичности. Плюс очень сильно помогает закалка мечей.

– А другие расы куют по-другому?

– У бьергмесов две технологии производства оружия. Массовое оружие они куют почти так же, как люди. А дорогие мечи и топоры они делают, по сотне раз складывая и перековывая один и тот же кусок железа. В результате получается сталь, как бы состоящая из множества слоев, сваренных воедино, что значительно увеличивает ее эластичность, при этом сталь остается твердой. К тому же металл у бьергмесов более высокого качества за счет того, что они могут выплавлять его при более высокой температуре.

– А мы почему не можем?

– Температура выплавки во многом зависит от притока воздуха. С нашими мехами невозможно создать очень сильный приток. А бьергмесы устраивают плавильни в пещерах под узкими длинными горными долинами. В этих долинах всегда сильный ветер. Бьергмесы загоняют потоки ветра внутрь пещер и за счет каких-то специальных устройств усиливают эти

потоки и направляют их в печи. Это позволяет работать с металлом при очень больших температурах, которых мы и близко достичь не можем.

– А знаменитое альвийское оружие? У них же таких горных долин нет.

– С ними всё ещё интереснее. Альвы каким-то образом научились полностью расплавлять металл. Даже чугун, который мы расплавить не в состоянии, просто не можем достичь нужной температуры. Возможно, у них какие-то специальные печи были, возможно, как говорят легенды, они активно использовали особую магию при изготовлении оружия. Поэтому и не могли, кстати, поначалу его массово производить, мастеров было очень мало, а обучение занимало огромную часть даже их длинной жизни. В общем, как бы то ни было, но альвы сначала выплавляли из руды очень сильно насыщенный углем чугун, а потом повторно расплавляли его и что-то с ним делали. Неизвестно, что именно, но в итоге металл приобретал особую структуру и отличался невероятной твердостью, при этом сохраняя легкость и эластичность. В общем, невероятное оружие. Одним из которых мне, кстати, в свое время пронзили грудь. Но это всё касается только лучших образцов мечей и сабель. Более простые, если можно так сказать, клинки альвы делали так же, как и бьергмеса, складывая и перековывая металл многократно. И только после Первой альвийской войны альвы начали упрощать технологии в пользу массовости. И в какой-то момент альвийские клинки ничем не отличались ни по свойствам, ни по технологии производства от человеческих мечей. Впрочем, в последнее время альвы снова стали возвращаться к старым технологиям, не магическим, а многослойным.

– Почему?

– Отпала необходимость в массовом производстве оружия. Альвы в Империи ни с кем не воюют. А если и воюют, скажем, в армии, то чаще всего используют обычные имперские мечи, сабли и топоры. В то же время, среди богачей, людей, в первую очередь, появился большой спрос на, так называемые, настоящие альвийские клинки. Вот альвийские кузнецы и стараются удовлетворить этот спрос. Кто-то лучше, кто-то хуже.

– Я смотрю, ты стал профессионалом в металлургии, – уважительно покачал головой Славий. – Откуда всё это?

– Много книг. Долгие разговоры с Адельхартом. Долгие дискуссии с университетскими профессорами и разными мастерами. Все любят поговорить, когда их приглашаешь в хорошую ресторанцию и хорошо кормишь и поишь. А знание, как говорится, сила. Что в Тайной Страже, что в погоне за богатством.

– Интересно, Гленард, молодец – слегка поклонился Гленарду Славий. – Просто отрандно видеть, что у тебя столько всего получилось. Впечатлен, воистину впечатлен. Ну, спасибо тебе за интересный рассказ и за показ твоих земель. Но пора нам, наверное, возвращаться в замок. Скоро должны прибыть мастера. Да и перекусить уже было бы неплохо, как думаете?

– Полностью согласен, – кивнул Гленард. – Поехали. Я вам потом как-нибудь еще свои охотничьи угоды покажу. Охота у меня здесь знатная. Не зря леса оберегаю от вырубки. Зверя у меня там много, да какого!

Глава IV

И коли тяжко тебе будет, и холодно, и сыро, и голодно, и мучительно – ты терпи, не жалуясь. Ибо нет награды без труда, а шедевра без старания. И коли мастер твой колотит тебя, и рвения твоего не ценит, терпи особливо. Ибо именно в терпении ты становишься сильнее.

Мастер Лоргрин из Ламраха. «О смирении ученическом. Поучения мудрости».

Если ты хочешь сделать хороший майский пирог

Возьми до десяти яиц, разбей их, добавь петрушку и смешай всё вместе. Возьми ступку и поставь ее на угли, и положи туда ложку свиного жира, и пусть прогреется. Вылей яйца туда, и пусть медленно печется, и подавай это, только не пересоленным.

В большом зале замка было шумно и светло от множества выставленных на длинном столе свечей. Солнце еще не закатилось, однако маленькие окошки пропускали слишком мало естественного света, что приходилось компенсировать свечами, расставленными вдоль всего массивного стола.

Между свечами располагались блюда и миски с различными угощениями. Моченые яблоки соседствовали с квашеной капустой. Разнообразные колбасы перемежались с окороками и копченной свиной вырезкой. А тарелки с сырами окружали блюда с кусками жареной курятины.

Кувшинам с вином, медом, пивом и картофельным самогоном отводилось на столе почетное место, что весьма радовало присутствовавших за столом гостей. За всем этим безразлично и, казалось, слегка скептически наблюдали глаза прикрепленного высоко на стене, под потолком, чучела головы лося с огромными, размахом не меньше двух метров, рогами.

Во главе стола сидел Император Славий. По правую руку от него сидели Донрен и Гленард. По левую – прибывшие чуть раньше мастера. Высокий и мощный оружейник Анжен из Долгополя, веселый бородатый гигант лет тридцати пяти с коротко стриженными светлыми волосами. Мрачный кожевник Берхард из Ардальвильда, лет сорока от роду, гладко выбритый, с узким лицом, длинными темными волосами и грустными зелеными глазами. Полноватый невысокий краснодеревщик Конрад из Таргарана, человек сильно за пятьдесят лет с недлинными седыми волосами вокруг обширной лысины. И госпожа белошвейка Эрмелинда из Байлура, женщина лет сорока со строгим узким вытянутым лицом, тонкими губами и собранными в пучок темными волосами.

– Друзья! – поднял кубок Славий. – Я хочу выпить за новый этап в развитии Империи. За освобождение от власти цеховых старост!

Все с радостью присоединились к тосту.

– Скажите, Анжен, – обратился к оружейнику Гленард, – сколько мастеров сейчас в Империи поддерживают идею избавиться от цехов?

– Я думаю, – прикинул Анжен, почесав затылок, – около половины мастеров и где-то две трети подмастерьев.

– То есть, нам не грозят большие проблемы в случае демарша лояльных цехам мастеров?

– Думаю, что грозят, – ответил за Анжена Донрен. – Даже если оценка уважаемого мастера Анжена верна, нельзя забывать о том, что цеха контролируют не только мастерские, но и поставки сырья. И даже если и с этим не будет проблем, что маловероятно, то многие

мастера и особенно подмастерья, которые, вроде как, горячо выступают за разрушение цеховой системы, на самом деле не могут представить себе, как жить без помощи и указки цехов.

– Вы преувеличиваете, ваша светлость, – тепло улыбнулся мастер Конрад. – Конечно, многие бунтуют только на словах, но рынок всё расставит на свои места. В первые пару лет будет непросто, но затем мастера, особенно те, кто помоложе и получше, поймут новые правила игры и научатся в нее успешно играть.

– Именно, – согласился Славий. – Думаю, что пару лет мы можем потерпеть. Ради столетий будущего процветания. Не возражай, Донрен, твою позицию я прекрасно знаю, прислушиваюсь к ней и учитываю ее в меру возможного. А ты, Гленард, что думаешь обо всем этом?

– Если смотреть на ситуацию в целом, – задумчиво ответил Гленард, – то я на твоей стороне. Цеховая система прогнила и стала обузой для Империи. Заменяв ее на что-то более эффективное, мы можем достичь многого. Однако годы, проведенные и в армии, и в Тайной Страже, научили меня искать опасности и риски во всяких событиях. И я понимаю, что мы ввязываемся в очень опасное предприятие. Мы столкнемся с огромным противодействием цеховых советов и цеховых мастеров. Мало просто разрешить независимым мастерам открывать свои мастерские, хотя именно с этого нужно начинать. В большинстве городов цеха и гильдии очень плотно срослись с местными правителями. Фактически советы городов состоят из цеховых старост. Что толку разрешать открывать мастерские, если города не дадут для этого помещений и будут всячески препятствовать открытию? Причем препятствовать, вероятно, весьма жестко – вплоть до погромов.

– Понятно, что еще?

– Поставки сырья, как уже было сказано. И продажа готовых товаров. Торговля контролируется крупными купцами, купеческими гильдиями. Они же, несмотря на постоянные конфликты с цеховыми старостами, привыкли работать с цехами, которые обеспечивают им постоянные и большие доходы и надежные рынки. Захотят ли они работать с независимыми мастерами и на каких условиях – это большой вопрос. Плюс купеческие гильдии не могут не понимать, что если сегодня ты разрушаешь цеха, то завтра ты придешь разрушать купеческие объединения, что будет правильно, кстати. Поэтому будут противодействовать, в том числе, и из-за такой, как бы сказать, солидарности.

– Что еще?

– Деньги. Откуда у подмастерьев деньги на открытие мастерских, на закупку сырья, на покупку инструментов и станков? Особенно это касается больших и сложных производств. Кузнецов, оружейников, ткачей. Сейчас мастера, если им позволят открыть свою мастерскую, могут просить помощи у цеха. А кто им будет помогать, если цехов не будет?

– Донрен, ты согласен с Гленардом?

– В целом, согласен, Ваше Величество. Только моя позиция еще более жесткая.

– Понятно. Хорошо, Гленард, риски и опасности ты обозначил. Знаешь ли ты, как их преодолеть?

– В общих чертах, Славий. Есть несколько идей. У нас сейчас есть несколько путей. Путь первый – оставить всё как есть, но он нам не подходит. Путь второй, которого придерживается Донрен, – разрушать цеховую систему постепенно, на протяжении многих лет и десятилетий. Переговорами, интригами, лестью, подкупам. Шаг за шагом добиваться расширения прав мастеров и подмастерьев, облегчать открытие новых мастерских, реформировать и трансформировать цеха, постепенно отбирая у них власть и деньги.

– Это слишком долго, Гленард.

– Возможно, хотя Донрен прав в том, что это будет самый безопасный путь. Третий вариант полностью противоположный – уничтожить цеха быстро и жестко. С помощью армии и Тайной Стражи арестовать цеховых старост, забрать у них все богатства, разрушить цеховые дома, насильно переселять мастеров в другие города, чтобы разорвать сложившиеся связи

с местной знатью. Ударить сильно и больно, чтобы сразу разрушить всю систему, расшатать основы и лишить цеха даже возможности сопротивляться. Это жесткий, жестокий, но эффективный способ. В силу его эффективности я, возможно, выбрал бы именно его. Однако, зная тебя, я не уверен, что ты захочешь пойти этим путем.

– Правильно не уверен, – поморщился Славий. – Мы хотим сделать Империю лучше. Разве можно сделать ее лучше путем репрессий против собственного народа?

– Думаю, что можно, Славий, хотя ты со мной и не согласишься. Но есть и четвертый путь, по которому мы все, вероятно, и пойдем. Разрешить мастерам открывать независимые мастерские. Путем переговоров и мягкого давления преодолевать сопротивление цехов. Поддерживать независимых мастеров за счет имперской казны и за счет частных вложений. Создать некую особую казну, которая бы помогала мастерам и давала бы им деньги в долг. Создать систему снабжения сырьем и доступные всем торговые площадки, на которых независимые мастера могли бы продавать свои товары и закупать сырье.

– Сказки, Гленард, – прервал его Донрен. – Ты предлагаешь фактически создать в Империи и альтернативную цеховую систему, и альтернативную торговую систему. Как и на какие деньги? Откуда всё это возьмется?

– А я тебе скажу, Донрен, – распаясь, ответил Гленард. – Начнем с того, что Славий, благодаря наследству графини Мисси, владеет крупнейшей торговой компанией в Империи. Ты не забыл про это? Вполне можно было бы создать торговые площадки в каждом герцогстве с ее помощью. Потребовать от герцогов выделить земли для мастерских и рынков. Если потребуется, основать новые деревни и даже города. Финансировать открытие мастерских. За счет имперской казны и за счет вложений заинтересованных купцов и крупных мастеров. Я бы, например, вложил бы пару десятков тысяч золотых в такое дело, если бы Империя помогла бы организовать рынки для товаров, а наши уважаемые гости убедили бы хороших мастеров участвовать в этих предприятиях. И думаю, я не один такой.

– Ну, хорошо, Гленард, – не сдавался Донрен, – ты что, думаешь, что цеха будут на это спокойно смотреть?

– Не будут, – покачал головой Гленард. – Я тебе скажу, что будет, и ты наверняка это понимаешь. Сначала они поднимут вой и крик. Может, даже организуют какие-то выступления. Придут кланяться в императорский дворец. Будут засылать представителей из числа знати, может, даже герцогов. Потом, когда поймут, что дело серьезно, могут сделать одно из трех. Кто-то прекратит продавать товары назло нам. Кто-то, напротив, станет продавать товары дешевле себестоимости, чтобы не дать независимым мастерам захватить рынок. А кто-то попытается урвать для себя деньги и рынки из новых источников финансирования. Будет сложно и жарко. Однако важно понимать, что цеха не однородны и не едины. В каждом герцогстве, в каждом городе есть множество цехов. Что-то их объединяет, но у них есть и непреодолимые противоречия. Они успеют перегрызться между собой, пока Славий будет реализовывать план. А если ему еще и поможет Тайная Стража, стравливая цеховых старост между собой и не давая им договориться, я знаю, ты это умеешь Донрен, то будет вообще прекрасно. Пару лет цеха проведут в конфликтах, а потом уже будет поздно что-то менять. Ну, а там, где цеха будут слишком активно противостоять независимым мастерам, я бы устроил пару раз показательные разгромы цехов с направлением их казны на помощь независимым мастерам. Только пару раз, для остротки.

– Конечно, Гленард, Тайная Стража может это сделать, – усмехнулся Донрен, – однако задача Тайной Стражи – хранить спокойствие в Империи. А ты предлагаешь нам своими руками превратить Империю в кипящий котел, а потом следить, чтобы напор пара не сорвал бы крышку и не привел бы ко всенародному восстанию и к очередной Злой Войне.

– Гленард дело говорит, Донрен, – остановил его Славий. – Идеи, конечно, нуждаются в развитии, однако в целом идеи неплохие. И я буду чрезвычайно благодарен тебе за твою

поддержку. Я знаю, что ты недоволен и беспокоишься о рисках. Но я прошу тебя эти риски принять как данность и работать над уменьшением их последствий. Работать так же хорошо, как ты это делаешь всегда.

– Конечно, Ваше Величество, – поклонился Донрен. – Позвольте мне сказать еще одну важную, с моей точки зрения, вещь. В жизни бывают действия обратимые и необратимые. Например, если я покупаю коня, то это обратимое действие, ведь я могу его тут же продать. Однако если я коня загоню до смерти, то это действие необратимое, поскольку воскресить я его уже не могу. Это не значит, что мы не должны совершать необратимых действий, по крупному счету вся моя жизнь из них состоит. Однако каждый раз, когда мы их совершаем, у этого должна быть четкая и понятная цель. И мы должны понимать, как каждое наше необратимое действие ведет к своей цели. Разрушая цеховую систему тем путем, который предлагают Ваше Величество и барон Кратхольм, мы совершаем практически необратимое действие. А посему, мы должны быть не только полностью уверены в нашей цели, точной цели. Мы еще должны и четко понимать, что этой цели мы достигнем. А также как, какими средствами и какими шагами. Я всего лишь прошу вас, Ваше Величество, вместе с уважаемыми мастерами и прочими вашими советниками не бросаться в это предприятие сразу же, а крепко и подробно всё обдумать и выработать четкий план, которого каждый из нас и будет придерживаться. Ибо нет ничего хуже перед Богами и людьми, чем ввязаться в необратимые действия, которые затронут всю Империю, не имея ясной цели и четкого плана.

– Спасибо тебе, Донрен, – Славий благодарно кивнул ему. – Ты абсолютно прав. План нам нужен, и именно для этого мы собрались здесь и сейчас. Вряд ли мы сможем договориться прямо здесь о плане в деталях, однако в общих чертах мы должны всё решить, чтобы далее прояснить все конкретные шаги по избранному нами пути. Вы согласны, господа?

– Согласны, Ваше Величество, – отозвался мастер Анжен.

– Ну, и прекрасно. Я пригласил сюда именно вас, потому что про каждого из вас мне рассказали, что он, или она, пользуются большим уважением в своем герцогстве. Для начала скажите мне, могу ли я рассчитывать на вас как на моих представителей, которые донесут мои идеи до многих мастеров и подмастерьев в ваших и в соседних герцогствах?

– Конечно, можете, Ваше Величество, – ответила за всех госпожа Эрмелинда, остальные согласно кивнули.

– Мне требуются ваши предложения. Что мы делаем в первую очередь. Списки, кто из мастеров и подмастерьев нас поддержит. Списки, кто из цеховиков будет нам в наибольшей мере препятствовать. Предложения, где мы можем организовать новые мастерские и торжища, при необходимости. Списки необходимых видов материалов для производства и их количество. Оценка, сколько денег нужно для реализации нашего плана в вашем герцогстве. Ну, и дополнительные идеи и предложения. Не сейчас. Вы проделали долгий путь, сейчас время есть, пить и отдыхать. Подумайте, обсудите между собой, а потом обсудим вместе.

– Будет исполнено, Ваше Величество, – поклонился мастер Конрад.

– Завтра у меня здесь будет еще один гость, я буду занят с ним. Но потом, через пару дней, мы сможем снова собраться и всё обсудить. Я хочу, чтобы вы знали, так как это важно. Моим гостем будет король бьергмесов Тарстен. Он приезжает, чтобы обсудить разные дела, но, в числе прочего, мы будем обсуждать и его возможную помощь в нашем с вами предприятии. Если цеха всё-таки договорятся и решат оставить Империю без товаров, мы должны быть уверены, что эти товары, в первую очередь, металл, оружие, инструменты, нам смогут поставить бьергмесы.

– Ваше Величество, – осторожно выбирая слова, сказал мастер Анжен, – простите меня, я несколько не сомневаюсь в вашей предусмотрительности, однако стоит ли рассчитывать на бьергмесов в таком важном деле?

– Если ты задаешь такой вопрос, мастер Анжен – усмехнулся Донрен, – то ты явно сомневаешься в предусмотрительности Императора. Но не пугайся, твой вопрос логичен и понятен. Тебе просто нужно верить, что Его Величество хорошо продумал этот вопрос, понимает все возможные риски и знает, как их избежать. Верить, как должны верить и все мы.

– Спасибо тебе, Донрен, за твою поддержку, – холодно произнес Славий, слегка покачав головой. – Тебе же, мастер Анжен, я отвечу, что в сложные времена лучше иметь союзника опасного, чем не иметь никакого. Боги видят, как хочу я, чтобы помощь бьергмесов не потребовалась, и чтобы мы совершили наш маленький переворот легко, просто и без осложнений. Однако же, ежели всё пойдет не так легко, и мы столкнемся с ярым сопротивлением цехов, я хочу быть уверен в том, что мы сможем это сопротивление преодолеть без катастрофических последствий для народа Империи. Пусть даже для этого и придется на какое-то короткое время и почувствовать себя в зависимости от бьергмесов. Я понимаю твою озабоченность и понимаю, почему именно ты задал этот вопрос. Бьергмесы оружейники, и для тебя они основные конкуренты. Однако ты ведь сам пользуешься и их металлом, в том числе, чтобы выковать лучшие твои клинки. Я тебе скажу так. Если ты вместе с твоими соратниками сможете обеспечить Империю оружием, а главное, орудиями для крестьян и для ремесленников во время возможного кризиса, то нам и не понадобится помощь бьергмесов. Ежели не сможете, что весьма вероятно, то тогда ты сам скажешь спасибо мне и королю Тарстену за помощь и поддержку.

– Простите, Ваше Величество, – поклонился мастер Анжен. – Я понимаю.

– Ну, и прекрасно. В любом случае, нам о многом нужно поговорить с королем Тарстеном. Если мы с ним договоримся, я всех вас с ним познакомлю. А пока давайте выпьем за успех нашего маленького тайного заговора!

– Не так всё это просто, да, Гленард? – Славий отпил очередной глоток медовухи из простой глиняной кружки.

Они вдвоем с Гленардом сидели в небольшом кабинете барона. Было далеко за полночь.

– Ну, ты с этим отлично справляешься, – улыбнулся Гленард.

– Приходится справляться... Куда деваться-то. Да уж, возложили вы с Донреном мне на плечи ответственность. Подложили, так сказать, свинью. Ох, подложили...

– Да ладно тебе, Славий, ты уже ко всему этому привык. И тебе это даже очень сильно нравится, я же вижу.

– Нравится, не спорю. Но столько всего нужно сделать. Вот это всё, что происходит здесь, это всего лишь маленький эпизод. Столько задач. Столько дел. Ничего не успеваю, как ни стараюсь. Но, надеюсь, хоть что-то сделать смогу. Хотя иногда руки опускаются от масштаба задач.

– Никому не рассказывай об этом, – улыбнулся Гленард. – Разве что мне.

– Мне понравилась твоя идея с созданием альтернативного торгового предприятия на основе моей торговой конторы. То, что ты говорил о том, что готов вложиться в это наше предприятие – это серьезно?

– Да, вполне. Если всё сделать умно. Этот Рейван из Планги, который сейчас управляет твоей торговой империей, он кажется умным человеком.

– Вполне. Его рекомендовал Донрен, а Донрен плохих людей не рекомендует.

– Надо будет с ним встретиться и обсудить втроем, как всё лучше сделать. Или вчетвером вместе с Донреном. Помощь Тайной Стражи нам явно понадобится и не раз.

– Обязательно. Ты когда в следующий раз в столицу собираешься?

– Планировал осенью, – пожал плечами Гленард, – но если нужно будет раньше, то прибуду быстро. Только позови.

– Позову. Скоро. Готовься.

– А что вообще нового творится?

– Да много всего, Гленард. Пытаемся улучшить положение нелюдских рас. Пытаемся договориться с мятежными альвийскими королями и расширить торговлю с зорг даджидами. Пытаемся, это по секрету, улучшить торговые взаимоотношения с Кадиром. У них, кстати, цехов давно нет.

– У них всё в руках или церкви, или Галира, – поморщился Гленард.

– Ну, что делать, их право. А кстати, тебе будет интересно. Был у меня на днях в гостях Вальдред ан Абфрайн.

– А, герцог Вальдред! И как он? Как его орлы?

– А вот зря смеешься, Гленард, – улыбнулся Славий. – С орлами у него, конечно, ничего не получилось, а вот с воронами он достиг существенных результатов.

– Да что ты! Неужели?

– Да, представь себе. Он уже наладил передачу сообщений воронами между Рогтайхом и Абфрайном. И расстояние это ворон пролетает чуть больше, чем за сутки. Вальдред еще начал экспериментировать с голубями, хотя он их не любит. Но летают они вдвое быстрее, чем вороны. Хотя и менее защищены от хищников.

– Кто бы мог подумать. Я, честно говоря, считал это всё очень глупой затеей. Хотя про воронов вместо орлов именно я ему посоветовал.

– Ну, вот видишь, сработала идея. Вальдред может неплохие вещи творить, если его на правильный путь направлять. Скоро буду тебе в Кратхольм послания с птицами отправлять.

– Думаю, что наиболее востребовано это будет у купцов. Передавать цены на товары из разных городов, чтобы знать, куда выгоднее везти товары. И, вероятно, появятся охотники, специализирующиеся на перехвате именно таких голубей.

– Да, Гленард, как видишь, всё меняется. Могли ли мы подумать еще несколько лет назад...

– Кстати, про Юррена и Тадеша ничего не слышно?

– Нет. Сгинули, вероятно, где-то в Кадире.

– Тадеш вряд ли бы сгинул, – Гленард с сомнением покачал головой. – Он слишком деятельный и хитрый. Наверняка неплохо устроился где-нибудь. Я бы тебе рекомендовал попросить Донрена присматривать за ним.

– Донрен наверняка присматривает, ты же его знаешь. Если он мне ничего не сообщает, значит, ничего существенного не происходит.

– Всё-таки, Славий, я считаю, что зря ты Тадеша не казнил. Слишком он мерзкий и опасный тип, чтобы отделаться поркой и изгнанием.

– Я благодарен тебе, Гленард, за твой совет, но всё-таки Император я. И я принял именно такое решение. Поверь, оно было непростым и хорошо обдуманым.

– Конечно, Славий, прости.

– Извини, друг, не хотел быть резким. Просто устал за день. Давай еще выпьем и пойдем спать. Завтра будет интересный день. Ну, за успех!

– За успех, Ваше Величество!

Глава V

Сварливые и вредные карлы эти. Только и дай им, что живот свой набить, и друг друга топорами огреть. И истинно говорят: там, где два бьегмеса, там три мнения и четыре драки. А уж если сцепятся по религиям своим богомерзким, так не разойдутся, покуда хоть один из них на ногах стоит.

Фархад арр Фахар. *«О диких северных нравах, кои нас, жителей просвещенного Галирата, весьма удивляют»*

Ежели хочешь ты сделать маринованную капусту

Свари белые кочаны капусты, возьми две части горчицы и одну часть меда, смешай их с вином и добавь тмин. И <когда> достаточно, положи туда вареную капусту и подавай холодным. Можешь также приправить бульон и подать его.

Несмотря на то, что встреча двух правителей происходила неофициально, король Тарстен прибыл с весьма примечательной свитой.

Перед королевской кавалькадой важно ехали два герольда, громко протрубивших в рога, когда процессия приблизилась к воротам замка Кратхольм. Ехали они, как, впрочем, и все в королевском эскорте, на невысоких гнедых мохноногих пони.

Единственным исключением являлась пара огромных вороных коней, впряженная в громадную позолоченную королевскую карету. Экипаж был украшен большими кусками горного хрусталя и массивными, но весьма искусными, барельефами из золота, серебра и стали, изображающими различные батальные сцены. Колеса у кареты были необычно большими и толстыми, явно предназначенными для передвижения и по неровным горным дорогам, и по грязи низинных полуболот в долинах. Кузов кареты висел над ее рамой на широких ремнях, призванных амортизировать неровности горных путей.

За каретой ехала пара экипажей поменьше и попроще, запряженные уже не конями, а пони. За ними верхом следовали четыре десятка мрачных охранников, внимательно вглядывающихся в окружающую дорогу дубраву. Они были одеты в тяжелые кольчуги, сплетенные из толстых колец. На груди и на плечах в кольчужное полотно были вплетены металлические пластины. Головы воинов покрывали конические шлемы с полузабралом, из-под которого торчали длинные бороды. За спиной у каждого был круглый щит и топор с длинной рукоятью.

Королевская карета вслед за герольдами въехала во двор замка и подъехала к крыльцу донжона. За ней последовали два других экипажа и двое охранников, следовавших сразу за ними. Остальные бьегмесы в замок въезжать не стали, выстроившись, не спешиваясь, по обе стороны дороги.

Славий, будучи Императором огромной страны, естественно, не встречал короля Тарстена у ворот замка – это было бы несолидно. Однако не стал он и ожидать короля бьегмесов внутри замка – это было бы неуважительно. Вместо этого, Славий встречал высокого гостя на крыльце замка, торжественно выпрямившись в большом кресле, позаимствованном у Гленарда. По правую руку от Императора стояли Брайн и Донрен, по левую – Гленард.

Герольды протрубили вновь. Дверца кареты открылась, и из нее вылез король Тарстен. Среднего для бьегмеса роста, он был чуть выше, чем по пояс Гленарду и Славии. Король был уже немолод, но еще и не стар. В уголках глаз и на лбу у него уже были глубокие морщины, но длинные светло-русые волосы, на которых лежала простая стальная корона, еще не были тронуты сединой. Король, судя по ширине плеч и груди, видимо, раньше был сильным и славным воином. Однако обильное питание с возрастом весьма заметно отразилось на его фигуре.

Толстым короля назвать было нельзя, однако поесть он явно любил. Длинная светлая борода короля была заплетена в две косички. Одет он был в бархатные штаны и кожаную куртку, на которую в качестве простого сурового украшения были нашиты небольшие куски кольчужного полотна. На плечах короля лежала пурпурная мантия.

Улыбаясь, он поднялся на крыльцо и приветливо раскрыл объятия. Славий, встав со своего импровизированного трона, крепко обнял правителя соседнего королевства, наклонившись к нему. Тем временем из двух других экипажей вышли и направились к крыльцу двое бьергмесов: первым был худой юноша с аккуратно стриженной черной бородой, а другим – Адельхарт ан Стеркоккс.

– Император Славий! – громко и радостно вскричал король. – Ну, наконец-то мы с тобою познакомились! Мне говорили, что ты силен, а теперь я вижу, что не врал. Объятия твои крепки. Надеюсь, что и союз наших государств будет не менее крепким!

– Я тоже на это надеюсь, король Тарстен, – улыбнулся Славий. – Как ты добрался? Приятной ли была дорога?

– Весьма приятная, хотя и трясучая. Ну, давай выпьем за встречу!

– С удовольствием. Позволь только сначала представить тебе моих спутников. Это герцог Брайн ан Сидлерд, Императорский Посланник и хозяин герцогства, в котором мы находимся. Это герцог Донрен ан Верверриг, Генерал Тайной Стражи, оберегающий меня и помогающий мне своей мудростью. А это барон Гленард ан Кратхольм, хозяин этого дома, мой давний друг и советник, любезно согласившийся пустить нас с тобой под свою крышу.

– Пусть кубки ваши всегда будут полны! – поприветствовал спутников Славия король Тарстен. – Позволь и мне, дорогой друг Славий, представить моих соратников по этому путешествию. Это эдль Джеррих ан Стаерпик, мой помощник и посланник, сын моего старого боевого товарища.

– Тебе приходилось много сражаться, Тарстен? – удивился Славий.

– Ещё как! – гордо воскликнул король. – У нас же что ни день, так какая-нибудь свара. Но я ж король, я не могу за спинами отсиживаться. Да, помахал секирой я немало в свое время... Эх, было дело!

– Понимаю, – Славий похлопал короля по плечу, – мне тоже пришлось немало повоевать.

– Эта ваша Злая Война?

– Она самая.

– Ну, выпьем, потом расскажем друг другу про наши ратные забавы. Вспомним, так сказать, прошлое. А это мой советник, друг и кузен эдль Адельхарт ан Стеркоккс.

– С господином Адельхартом мы знакомы, – кивнул Славий, – но я не знал, что он твой кузен.

– А, ну, да. Адик же постоянно в Рогтайхе время проводит. Редко мы его в Хуснарбьере видим. Но раньше, когда молодыми были, и повоевали мы вместе, и покутили немало. Эх, как покутили! Сладко вспоминать! Я ведь тоже из Стеркоксов. Самый древний и уважаемый род у нас!

– Что ж, приветствую всех вас в моей Империи и приглашаю вас внутрь дома. День теплый, не пора ли чем-нибудь горло промочить?

– Вот это я понимаю! – возрадовался Тарстен. – Сразу к делу! Давай Славий, веди, я за тобой. А советники наши вслед за нами подтянутся. Эй, слуги! Где вы там? А ну, тащите пива! И побольше! И вина тоже!

– Ну, что ж, Славий, – хлопнул по столу очередным опустошенным кубком король Тарстен, – вино у тебя здесь неплохое. Да и пиво тоже вполне достойное. Что же тебе всё-таки требуется от бедных горных жителей?

– То же, что и всегда, Тарстен. Металл и оружие. Да и сельскохозяйственные орудия получить было бы неплохо. Инструменты. И доспехи.

– Металл – это можно. В границах разумного, конечно. Есть пределы и у наших производств. Оружие тоже, если хорошо платить готов. С орудиями и инструментами сложнее. Мы их мало куем, только для себя. Раньше, вроде бы, вы справлялись сами? Зачем переводить хорошее железо на молотки и сохи?

– Мы развиваемся, Тарстен. Нам нужно больше металла, больше орудий. Воюем мы не каждый год, к счастью, а вот пахать приходится постоянно.

– А вот мы воюем часто, Славий. То Кобберфлоды бунтуют, то Лангдоки в очередной раз пытаются власть захватить. И металл нам самим по этой причине весьма нужен. Впрочем, если ты готов платить... Что еще?

– Разреши нашим купцам торговать в Хуснарбьере и в других ваших городах. Одеждой, продовольствием, деревом, углем.

– Исключено, – помрачнел король.

– Почему, Тарстен? Вы тоже развиваетесь. Вас всё больше. Вы производите много металла, много больше, чем вам нужно. Но металл же есть вы не будете. И в металл одеваться тоже вряд ли станете. Я не говорю про доспехи. Обычная повседневная одежда. Да, у вас есть свои поля в долинах и свои пастбища на высокогорных плато. Да, у вас хватает шерсти, хотя льна у вас своего нет. Но вас становится больше и больше. Через какое-то время ценность плодородных долин и пригодных для пастбищ высокогорий, которых не так много, настолько вырастет, что за них начнется борьба. Зная вас, борьба жестокая и кровавая.

– Может и так, Славий. Но в этой борьбе полягут многие. И это снизит конкуренцию за пропитание.

– Разве тебе это надо, король Тарстен? Разве такой ценой ты хочешь купить спокойное будущее для твоего народа? Не проще ли покупать еду и одежду у нас? Не проще ли покупать у нас излишки дерева и древесного угля, вместо того, чтобы окончательно уничтожить и без того редкие леса в горах?

– Ну, так продавайте нам всё это, Славий, продавайте! Привозите к нашим границам, продавайте нашим купцам, а дальше мы как-нибудь сами разберемся. Или ты просто хочешь захватить наши рынки, поставив нас в зависимость от Империи?

– Почему ты не хочешь допустить наших купцов к торговле внутри королевства?

– А вы допускаете, Славий? Ваши купцы всеми правдами и неправдами пытаются выжать наших мастеров и купцов с ваших рынков. наших собратьев не считают за людей. Так, что-то чуть разумнее козлов и баранов. Такие забавные бородачи! Нас гонят, преследуют, громят, выгоняют из домов, грабят. Ваши самфунды, то есть, как их... Гильдии! Купеческие и ремесленные объединения. Они к себе допускают наших мастеров и торговцев, что ли? Даже тех, кто является честным подданным Империи. А тех, кто не служит Империи, даже на порог не пускают. Что это, если не лорт? Простой вонючий лорт!

– И, тем не менее, и бьерегмесских купцов, и бьерегмесских мастеров в Империи немало. А вы людей к себе вообще не пускаете.

– Те, про кого ты говоришь, это бьерегмесы, являющиеся подданными Империи. Это не мои подданные. Для моих подданных путь на рынки Империи практически закрыт.

– Всё меняется, король Тарстен. Всё меняется и очень быстро. Я как раз хочу тебе об этом рассказать и попросить твоей помощи в этих изменениях. Потому что многое из того, что мы хотим изменить сейчас, изменит и облик Империи, и ее будущее и взаимоотношения наших государств. Это всё меняет.

– О чем ты?

– Цеховая система, которая существует сейчас, – начал рассказывать Славий, игнорируя предупреждающий взгляд Донрена, – мешает не только вам, но и нам. Мы хотим от нее изба-

виться. Разрушить цеха. Разрешить любому свободно открывать мастерские и продавать плоды своего труда напрямую. Разрешить любому, человеку ли, бьергмесу ли или альву, свободно торговать чем угодно, где угодно и когда угодно. Это подхлестнет конкуренцию и развитие технологий, что повлечет за собой и развитие всей Империи. Но есть одна проблема. Цеха, которые, естественно, не согласны с этими преобразованиями, хотят заставить нас от них отказаться. Они пригрозили нам, что остановят производство совсем. На год, на два, на сколько понадобится. Возникнет пустота на рынке. В том числе, исчезнет оружие, исчезнут инструменты и сельскохозяйственные орудия. И если оружия у нас сейчас достаточно, то без инструментов и крестьянских орудий нам придется туго. И нам нужна твоя помощь, чтобы заполнить эту пустоту. Ты поможешь нам, друг Тарстен?

– Ха! – громко хлопнул ладонью по столу Тарстен после недолгого раздумья. – Ты прав, друг Славий, это всё меняет! Вы столько не ставили нас ни во что, но вот, когда прижало, мы вам понадобились... Ну, что ж. Я помогу тебе.

– Спасибо.

– Пожалуйста. Я вижу, что ты, в кои-то веки, нуждаешься в нас. Нуждаешься сильно и униженно. Настолько, что ты готов зависеть от нас, бородатых полуросликов. Что ж, я помогу тебе. Взамен ты гарантируешь для нас двадцать процентов мест на всех рынках и торжищах в Империи. Ты дашь нам открыть мастерские в каждом городе Империи. Столько, сколько мы захотим. Ты дашь бьергмесам в Империи права неприкосновенности для людских судов и людского следствия. Чтобы только бьергмесы могли судить бьергмесов. Ты примешь законы, которые приравнивают преступления против любого бьергмеса к преступлению против благородных людей. Ты понижишь цены на одежду, еду, пиво, вино, древесину и уголь, поставляемые нам, на треть. И увеличишь поставки вдвое. Естественно, только до границы, дальше наши купцы сами всё будут перепродавать. Мы поставим столько металла и орудий, сколько тебе нужно. Но, принимая во внимание твое бедственное положение, мы увеличим цену на них наполовину. То, что сейчас, стоит две серебряных монеты, завтра будет стоить три. Ты согласен, друг Славий?

– Нет, – спокойно и холодно ответил Император Славий, глядя прямо в глаза Тарстену.

– А куда тебе деваться?

– Мне есть куда деваться, поверь, друг Тарстен. А вот ты прямо сейчас можешь упустить сразу три огромных возможности.

– Интересно, и какие же?

– Возможность первая: увеличить поставки в Империю. Мы готовы покупать больше, чем сейчас. Много больше. Но не по повышенным ценам, а наоборот, по пониженным. Больше покупаешь, меньше платишь. Закон рынка, и ты его знаешь. Возможность вторая: решить вопрос с обеспечением твоего королевства одеждой и едой. Которых, как я знаю, вам уже не хватает, и дальше будет только хуже. Решить этот вопрос, и тем самым избежать близкого и беспощадного кровопролития. Возможность третья: улучшить положение твоих сородичей в Империи. Ни о каком иммунитете, автономии или неравенстве не может быть и речи. Моя цель противоположна – сделать всех подданных Империи воистину равноправными. Мы можем многое для этого сделать. В том числе, с твоей помощью. А что касается открытия мастерских и лавок... Да открывайте, сколько хотите. Но без всякого резервирования количества, на общих и единых для всех рас основаниях. Ну, и взаимный доступ купцов к торговле внутри обеих стран тоже будет полезен обоим нашим государствам. Вот мои предложения, король Тарстен. Примешь их, и мы оба получим огромную выгоду, не говоря уже об исторической пользе дружбы наших государств и тронов. Откажешься – ну, что ж, твоё право – мы переживем пару лет и без тебя, не беспокойся. Переживем, но надолго запомним, как ты помог нам в трудные дни. И, возможно, что мы, учитывая это, захотим перенаправить всю торговлю с севера на юг. Да и права бьергмесов в Империи не будем слишком уж сильно отстаивать...

Это не угроза. Это просто вопрос отношения. Если мы друзья, то помогаем друг другу. Вместе и взаимно. Если же нет, если ты мне и не друг, и не враг, а так... Что ж, я именно так и буду относиться и к тебе, и к твоему народу. Что ты выберешь, король Тарстен? Друг ты мне и Империи или нет?

Король не успел ответить. За дверями раздался шум и громкие крики. Двери замка резко, с грохотом, распахнулись, и в зал ввалились двое бьергмесов, которых пытались удержать, правда, без оружия, охранники короля Тарстена и Императора Славия.

– А ну, пропустите! Отпустите! – кричал один из вломившихся бьергмесов. – Я посланник короля! Вы не имеете права меня не пускать!

– Это еще кто? – Славий с удивлением посмотрел на помрачневшего короля Тарстена.

– Да уберитесь от меня уже! – проорал на стражников тот же бьергмес, одетый в богатый дублет и носивший роскошную черную бороду. – Я эдль Игвар ан Кобберфлод. Полномочный посланник Его Величества короля Биргхира ан Кобберфлод. Это мой помощник и племянник, эдльунг Вилфрид ан Кобберфлод.

– Короля Биргхира? – переспросил Славий, удивленно взглянув на короля Тарстена, сидевшего с кислым лицом.

– Всё дело в том, Ваше Императорское Величество, – ответил вместо Тарстена Адельхарт, – что общество бьергмесов в горах Башрайг, к сожалению, находится в постоянной политической борьбе. Существует множество фракций, каждая из которых претендует на главенство над всеми. Вот и клан Кобберфлод, хотя и был ранее в неоспоримой зависимости от клана Стеркоккс, к которому относимся мы с Его Величеством королем Тарстеном, теперь претендует на королевскую власть. Хотя и почти никем не поддерживается.

– Ты ври, Адельхарт, да не завирайся! – рявкнул Игвар. – У Стеркоксов, может, и две трети земель сейчас, но Кобберфлодов поддерживает половина кланов! Поэтому еще большой вопрос, кто на что претендует.

– Конечно, Игвар, – саркастически усмехнулся Адельхарт, – половина кланов. В каждом из которых по три-четыре бойца. А все крупные кланы со Стеркоксами. Ну, кроме пары тех, кто еще за какими-то непонятными ложными вождями ходит.

– Опять врешь, скотина! – возмутился Игвар. – По три-четыре бойца? А битву на Сортванде забыли? А Раэвское ущелье? Как тогда вы драпали от нас, только обосранными ровнами сверкали! Забыл, что нас поддерживают и Грётунги, и Лодброки, и Джиггурдды, и Сторштеммы, и Сортскафты? Прошу вас, Ваше Императорское Величество, простите нас за эту отвратительную сцену! Но мы не могли остаться в стороне, когда узурпатор Тарстен делает вид, что договаривается от имени всех бьергмесов.

– И чего же вы хотите, эдль Игвар? – Славий пристально посмотрел на него.

– Ничего, что не было бы в нашем праве, Ваше Величество, – поклонился Игвар. – Поскольку король Биргхир представляет почти половину людей гор, бьергмесов, как вы нас называете, то мы требуем, чтобы нам позволили участвовать в переговорах с Вашим Величеством на тех же условиях, на которых участвует в них король Тарстен, представляющий другую половину. Хотя мы его и не признаем королем.

– И речи быть не может! – взревел Тарстен. – Что бы я, да за одним столом на равных с представителем этого самозванца?! Да как ты вообще, бонд, смеешь о таком говорить!

– Я не бонд, я эдль, Тарстен. Оскорблениями и принижением моего титула ты не сделаешь себя более легитимным, чем ты есть.

– Лорт вонючий ты, а не эдль!

– Хватит! – стукнул по столу кулаком Славий. – Здесь место встречи правителей, так и ведите себя, как правители. Не оскорбляйте своими ссорами хозяев дома, гостями которого

вы являетесь. Я приехал сюда встречаться с королем Тарстеном. И я встречаюсь с королем Тарстеном. Если король Биргхир...

– Да какой он король! – перебил Славий Тарстен.

– Не перебивай Императора, Тарстен! – резко осадил его Славий. – Если король Биргхир, как он себя называет, хочет со мной говорить, и ему есть, что сказать от имени своего народа, я готов с ним встретиться. Если он предложит условия лучше, чем король Тарстен, я буду рад встретиться с ним вдвойне. Но ты, эдль Игвар, пришел в чужой дом без приглашения. Пришел в мою Империю без приглашения. Ты не можешь ничего требовать! Я не буду с тобой говорить, я не буду с тобой договариваться, я не буду ничего с тобой обсуждать. С королем Биргхиром – возможно, но не с тобой и не сейчас. Хочешь слушать, сиди и слушай. Хочешь передать от меня послание твоему королю, герцог Брайн ан Сидлерд, Императорский Посланник, подготовит такое послание. Но если ты, явившись сюда без приглашения, хочешь что-то требовать, то ты совершаешь очень большую ошибку, поскольку я восприму это как оскорбление. А оскорбление Императора заканчивается для того, кто учинил такое оскорбление, на виселице. Это понятно?

– Да, Ваше Императорское Величество, – побледнев, прошептал Игвар. – Прошу вас, простите меня. Ни я, ни король Биргхир, не хотели вас оскорбить. Мы только хотели помочь вам лучше понять, что происходит с нашим несчастным народом сейчас.

– Уже поздно, господа, – смягчился Славий. – Каждому из нас, есть, что обдумать. Каждому из нас есть, что обсудить со своими соратниками. Давайте закончим на сегодня и поужинаем, тем более, что я чувствую чудесные запахи, доносящиеся из кухни. Продолжим завтра, со свежей головой и со свежими мыслями. Я приглашаю всех, и тебя эдль Игвар с твоим помощником тоже. И пожалуйста, забудьте на один вечер о своих разногласиях. Из уважения к этому дому, из уважения к барону Гленарду, из уважения к герцогу Брайну, из уважения ко мне. Мы все здесь гости. Давайте вести себя мирно и дружно, как и подобает гостям, уважающим хозяев. Несмотря на все противоречия, разногласия и взаимные обиды, давайте, пожалуйста, постараемся друг друга сегодня не убить.

Глава VI

Не может восхищать, однако, то, что у бьєргмесов есть очень подробный кодекс поведения на все случаи жизни. Честь их и воинская, и светская, для них всего превыше, и честь потерявший страдает от этого настолько, что не может дальше жить. В буквальном смысле.

Варден из Байлура. *«Необыкновенное путешествие в удивительную страну бьєргмесов и обратно, совершенное автором сего самолично»*

Коли ты желаешь сделать хорошую дичь из говядины

Так поруби ее мелко. Возьми телячий хвост, положи его в горшок, помести на угли и помешивай, пока не закипит, затем полей им мясо. Так <ты сделаешь> подобие оленины. Поруби это вместе с яйцами и сухарями, приправь хорошенько, и скатай в форме шариков размером с кулак. Отвари их в бульоне, а затем порежь их мелко, будто это оленина. Сделай перечный соус и подавай оленицу в нем, и смотри не пересоли ее.

Совершая грех тавтологии, но не греша против истины, можно сказать, что ужин, на который был приглашен Императором Славием король Тарстен и все остальные участники переговоров, был воистину королевским.

Стюард Миррард и повар Дюкарр расстарались вовсю, призвав с согласия Гленарда к себе на помощь множество крестьян из соседних деревень.

В начале ужина на столах появились блюда со свежей репой, весенней зеленью, мочеными и засахаренными яблоками и грушами, а также с сушеными фигами. Им аккомпанировали закуски: яичные гренки с цыпленком, холодец из щуки, печеночный паштет с яйцами и петрушкой, пироги с цыплятами, голубями, грибами, капустой и печенью, а также две огромные кулебяки со слоистой начинкой из капусты, картошки, говядины, курицы и грибов.

Не забыли, естественно, и о напитках. По всей длине большого стола были расставлены кувшины и жбаны как с привычными для севера пивом и медом, так и с редким для этих краев изысканным квинтинским вином.

После первых легких закусок на столах появились густые супы: гороховый суп со свиной и розмарином, капустный суп с грибами и бычьими хвостами, уха из форели, судака и ершей, а также густой темный кисло-сладкий суп из вываренной говядины.

Когда гости вполне насладились супами, и большие супницы опустели, что случилось довольно быстро, пришло время и для основных блюд. На столах появились различные блюда из мяса и птицы. Тушеная с чесноком и луком говяжья лопатка соседствовала с жареными в кляре цыплятами. Два запеченных целиком поросенка, фаршированные капустой и яблоками, были обложены крольчатами и перепелами. Румяные утки источали невероятно прекрасный аромат по соседству с не менее привлекательными кусками говяжьей вырезки.

В качестве гарнира предлагался запеченный и жареный картофель с шалфеем и хенкелем, квашеная капуста, моченые яблоки, тушеная в меду репа, миски с вигной, с горохом и с разваренными пшеничными зернами, а также многочисленные и разнообразные пирожки.

К тому времени, когда уже совсем стемнело, а гости успешно справились с большей частью искусно приготовленных кушаний и немало захмелели, на столе появились дижестивы. Свиные, говяжьи и олени колбасы дополнялись тонко нарезанными кусками окороков, копченными вырезками и сырами. Сладкое желе из миндального молока прекрасно сочеталось с еще более сладкими пряничными колбасками с медом и сушеным инжиром. А пироги с лес-

ными ягодами, яблочным конфитюром и черносливым джемом были невероятно прекрасным итогом этой чрезвычайно знатной во всех отношениях трапезы.

Довольный и подобревший король Тарстен блаженно развалился в кресле с кубком вина в руках.

– Да, Император Славий, угощать ты умеешь. Спасибо тебе и твоим поварам.

– Не меня благодари, король Тарстен, – Славий указал на Гленарда, – а нашего гостеприимного хозяина барона Гленарда и его поваров.

– Благодарю тебя, барон Гленард! – отсалютовал кубком Тарстен. – Неужели в маленьком северном баронстве такие прекрасные повара?

– Спасибо за высокую оценку, Ваше Величество, – поклонился Гленард. – Я польщен и счастлив, что вам понравилось. А повара я выписал себе прямо из столицы. Талантливый парень. Там он в ресторации помощником повара ходил в статусе подмастерья, а здесь он главный на кухне. И я пообещал ему, что коли он десять лет у меня исправно отслужит, то я профинансирую ему его собственную ресторацию в Рогтайхе, причем высшего класса. Как видите, старается мастер Дюкарр вовсю, да и таланта ему не занимать.

– Ты молодец, барон Гленард, – одобрил Тарстен, – прекрасного повара отхватил. Думаю, что одного из лучших в Империи.

– Увы, знавал я в свое время еще лучшего мастера, – вздохнул Гленард, – и тоже не в столице, а в одном небольшом замке на востоке.

– И что же ты такого мастера к себе не переманил?

– Поваром он был невероятно хорошим, а вот подданным Империи оказался очень так себе. Сбежал куда-то от гнева Императора. Надеюсь, что не сгинул. Может, нашлось где-нибудь применение его талантам.

– А вот скажите, барон, – вступил в разговор эдль Игвар, – говорят, что ваши владения весьма богаты дичью. А на столе мы дичи почти не увидели. Это несколько не в упрек, всё было просто невероятно вкусно, просто интересно.

– Мы планируем устроить большую охоту чуть позже, через несколько дней, эдль Игвар, – пояснил Гленард. – Прошу прощения, я не знаю, пригласит ли вас Его Императорское Величество, однако мы собираемся добыть много разнообразной дичи. Поэтому сегодня мы, в основном, ограничились домашними породами мяса и птицы, чтобы соблюсти необходимое и интересное разнообразие.

– Понимаю, ваша милость, – тряхнул бородой Игвар. – Боюсь, что не смогу остаться на охоту, дела мои требуют скорейшего моего возвращения к моему королю. Но пропущу это мероприятие с большим сожалением. Поскольку мне известно, что блюда из дичи в Империи крайне разнообразны и вкусны. Какие блюда нравятся вам больше всего?

– В это время года, благородный эдль Игвар, – Гленард мечтательно прикрыл глаза, – совершенно прекрасны молодые олени рога с мёдом и пряничной крошкой. Особенно под хорошее вино.

– Вы так об этом рассказываете, что я прямо возжелал попробовать! – воскликнул, улыбаясь, Игвар.

– Ну, что ж, приезжайте ко мне в следующем году в это время. Не как посланник, а просто как гость, без официальных целей. Буду рад пригласить вас и на охоту, и на последующую трапезу.

– Как рассудят Боги, господин барон, – благодарно склонил голову Игвар. – Буду рад, но кто же знает, что будет через год. Но благодарю за приглашение от всего сердца.

– Простите, Ваше Величество, – обратился Гленард к Тарстену, – я ни в коем случае не хочу никого обидеть. Прошу простить за мое любопытство, но я чрезвычайно люблю собирать знания о привычках и обычаях разных народов и рас. Можно сказать, что это моя страсть. В одной из книг знаменитый Эолас Таргаранский рассказывает о быте народа гор Башрайг. И,

в частности, он упоминает о том, что наиболее популярным кушаньем у бьергмесов являются крысы. И что у вашего народа существует убеждение в том, что отведав вместо крысы, например, курицу, можно умереть. Правдиво ли это утверждение?

– Хахахаха! – во весь голос расхохотался король. – Ну, ты даешь, Гленард... Читал я, кстати, Эоласа Таргаранского, одна из любимых книг у меня. Но что люди серьезно могут в это верить, не думал. Понимаешь, Гленард, Эолас приперся на границу королевства, в предгорья. Стал ходить по кабакам и бьергмесов выспрашивать об их жизни. Вглубь королевства его, естественно, никто не пустил. А там, в пограничье, народ какой – торговцы да авантюристы. Народ веселый, выпить любит, языками потреть. А тут такой случай – и наливают, и угощают, и слушают. Вот и наплели бедному путешественнику с три короба. На самом деле, мы, конечно, крыс не едим, но зато очень уважаем баранину и, как раз, курятину. Кстати, мой любимый рассказ у Эоласа о том, что мы хлеб печем крепче камня, а король, то есть я, не на троне сидит, а на лепешке из такого хлеба. Ну, это ж надо придумать! Хахахаха! И я не знаю, что они там и сколько выпили, и что у них там между ними произошло, это их дело личное, однако главе о том, что бьергмесские женщины выглядят так же, как и мужчины и так же носят бороду, а самое сложное, начиная ухаживать, не ошибиться в поле объекта, я бы тоже не стал доверять. Хотя даже интересно всё-таки, что же они такое ядреное пили, и чем после этого и с кем занимались. Хахахаха!

– Мне тоже эта часть показалась весьма странной, – рассмеялся вместе с королем Гленард, – я же своими глазами видел бьергмесок не раз. Да, они выглядят немного иначе, чем человеческие женщины, но ни бороды, ни мужской фигуры я у них не замечал. Однако, судя по всему, Эолас неплохо время у вас провел.

– У нас тоже немало сказок про вас, людей, ходит, – отсмеявшись, глотнул из кубка король Тарстен. – Что похищаете маленьких детей, и на их крови хлеб делаете.

– Абсолютно то же самое, говорят в столице некоторые дебилы про бьергмесов, – развел руками Гленард.

– Ну, что поделать, барон, страхи у всех одни, а фантазия у всех одинаково бедная. Увы, у наших народов сложная история взаимоотношений, еще с момента нашей первой встречи. К сожалению, мои предки, не разобравшись что к чему, поубивали многих людей шестьсот лет назад, когда те пробирались на юг через горы. Поубивали вместо того, чтобы помочь им в беде и нужде. Я не знаю, как остальным, но мне, честно говоря, очень стыдно за это. И я рад, что мы смогли пересилить груз взаимных обид и заключили когда-то здесь же, в этом доме, Кратхольмский пакт. И я надеюсь, что наша встреча здесь станет символичной для нового этапа сотрудничества наших народов.

– Так помогите же Императору Славию, Ваше Величество! – развел руки Гленард. – Сами же знаете, наверное, поговорку про то, что друг в беде – настоящий друг. Мы не в беде, мы вполне хорошо справляемся, но, порой, нам непросто, и тот, кто будет нашим другом в непростые времена, будет нашим братом в хорошее время. Не время считать барыши и наживаться. Время строить добрые и долгие дружеские отношения.

– Хорошие слова ты говоришь, барон, – улыбнулся Тарстен, – но не своевременные. Ты, думаю, хороший человек. Но ныне ни слова о делах! Ныне мы ужинаем, а от серьезных разговоров вино скисает, а желудок крутит. Лучше поговорим о культуре. Или о сказках и легендах. Ты, Гленард, сказал, что любишь историю. А легенды наши знаешь?

– Не очень хорошо, если честно. Вы же их стараетесь никому не рассказывать. Знаю, в основном те, которые касаются ваших взаимоотношений с альвами еще до нашего прихода. И знаю их по альвийским или людским источникам и книгам.

– Ну, и какая у тебя любимая легенда, например?

– Я бы не сказал, что она именно любимая, – задумался Гленард, – но запомнилась, пожалуй, легенда про Брианлае и золотое ожерелье.

– Ааа! Молодец, Гленард, – снова рассмеялся король.

– А я не знаю ее, – наклонился к столу Славий. – Расскажи, Гленард.

– Хорошо. Легенда эта не типична для альвийских преданий в силу своей, прямо скажем, фривольности. Альвы обычно больше про героев и про сражения легенды складывают. Ну, так вот, давным-давно у немолодого и одноглазого короля Беанноиса была прекрасная юная жена по имени Бриканлае, то есть заря. И любила она охотиться долго в одиночестве. Однажды в погоне за прекрасной белой ланью заехала она далеко в горы и оказалась около большой пещеры. Там она встретила четырех бьергмесов-кузнецов: Альдрика, Барлина, Двелинга и Храара. А они как раз закончили изготавливать невероятно красивое золотое ожерелье. Оно так понравилось Бриканлае, что она попросила отдать ей ожерелье. Бьергмесы переглянулись и сказали, что, не вопрос, конечно, пусть забирает, только сначала проведет с ними со всеми четырьмя четыре ночи любви. «Что, всего четыре?» – удивилась Бриканлае. – «Ну, чего стоим, кого ждем?».

– Веселая девушка! – рассмеялся Славий.

– Итак, Бриканлае весело проводит время с бьергмесскими мастерами. В некоторых версиях легенды, в людских переложениях, есть упоминание о том, что она так заездила несчастных кузнецов, что они в придачу насыпали ей с собой кучу золота, только чтобы она ушла. И вот Бриканлае с ожерельем на шее возвращается в свой замок. У самого замка ожерелье она прячет, чтобы не увидел ее муж, и при этом она зачем-то громко поет песню о том, что с ней произошло, причем с подробностями. Ну, это легенда, можно простить такую нелогичность поведения. Но это увидел и услышал вредный советник короля по имени Лоркион. Дождавшись, пока Бриканлае заснет, а спала она одна, и на ночь надела зачем-то это ожерелье, Лоркион решит ожерелье похитить, чтобы рассказать обо всем королю. Но как снять его со спящей женщины, не разбудив?

– Опоить ее? – предположил Славий.

– Чувствуется опыт, Ваше Величество, – усмехнулся Донрен, а в ответ Славий, шутя, ткнул его кулаком в бок.

– Мысль правильная, но Лоркион не искал легких путей. В одной версии легенды он просто щекотал Бриканлае перышком, чтобы она повернулась во сне. В другой версии легенды, он, а он был колдуном, превратился в блоху и кусал Брикинлае, пока она не повернулась на другой бок. В общем, как бы то ни было, стянул он это ожерелье и помчался тут же к королю Беанноису всё рассказывать.

– И что дальше? – нетерпеливо спросил Славий.

– Дальше Бриканлае просыпается. Ожерелья нет. Но она девушка умная, и сразу понимает, что ожерелье похитить мог только Лоркион. А Лоркион его мог похитить только для того, чтобы рассказать всё королю, её мужу. Вариант «продать и пропить» Бриканлае в голову почему-то не приходит. Ну, и Бриканлае отправляется к мужу и, как настоящая женщина, начинает сразу переходить в атаку. Дескать, совсем уже с ума, старый дурак, сошел, бедную девушку среди ночи грабит, а ну быстро верни ожерелье, оно мне не просто так досталась. Как говорится, подарили и за дело.

– О да, эта линия поведения знакома, – полушутя вздохнул Брайн.

– Король Беанноис, так сказать, слегка растерялся от такого напора. Но он же король всё-таки, быстро собрался и пошел в контратаку, хотя и не слишком яростную. Вопросил у жены, по какому праву она с бьергмесами кувыркается. На что супруга ему всё по полочкам разложила. И как он на нее внимания не обращает, и как подарков мало делает, и как верит грязным наветам на нее, и как в постели он ни размером, ни качеством, ни количеством не отличается. В общем, разные версии легенды заканчиваются по-разному, но мне больше всего нравится конец, где король прислушивается к доводам жены, казнит подлого Лоркиона, и живут они

долго и счастливо. А каждые пару месяцев Бриканлае навещается в горы Башрайг, откуда возвращается довольная и с новыми украшениями.

– Интересная легенда для альвов с их заикленностью на приличиях, особенно в интимных вопросах, – покачал головой Славий.

– Ну, в старых книгах она рассказывается с осуждением поведения Брикинлае, – Гленард налил себе еще вина. – И даже говорится, что ее распутство стало причиной нескольких войн и многих несчастий. Рассказанная мной добрая и веселая концовка, это, я думаю, уже вариант переложений легенды людьми в относительно недавнее время. Почему-то, люди любят представлять альвов как распутников, хотя у них на самом деле всё совсем наоборот. Видимо, влияние пропаганды со времен альвийских войн.

– Ты начитанный человек, барон Гленард, и умный! – поднял кубок король Тарстен. – Люблю умных людей. Пью за тебя!

– А мне вот, – также выпил за Гленарда Славий, – нравится легенда о том, как бьергмесы помогли своим богам сковать страшного и могучего волка Фенрарра, рвущего любые цепи, сплетя волшебную веревку из шума кошачьих шагов, женской бороды, корней гор, рыбьего дыхания и птичьей слюны. И потому всего этого больше не осталось в мире.

– И когда придет час гибели богов, – продолжил Тарстен, – Фенрарр освободится и сыграет свою роль в конце нашего мира.

– А еще говорят, – откинулся на спинку стула Брайн, – что потомством волка Фенрарра являются оборотни, бродящие по северным лесам, и превращающиеся в волков в полнолуние.

– Брешут, Брайн, – махнул рукой Гленард. – Просто мужики заметили, что их женщины становятся раз в месяц злыми и раздражительными, вот и придумали сказку про оборотней. Нам ли с тобой, северным жителям, не знать, что никаких оборотней здесь нет?

– Ты так думаешь, Гленард? – понизил голос Брайн. – Ты в этом уверен?

– А кстати, – громко обратился к Тарстену Донрен, – раз уж мы заговорили про легенды и богов. Я давно хотел узнать побольше о религии бьергмесов. Расскажите, пожалуйста, Ваше Величество!

– Ну, религия – это дело серьезное, зачем же о ней за столом говорить! – быстро перебил Донрена Гленард, слегка побледнев. – Давайте я вам лучше еще легенду расскажу...

– Нет, почему же, барон, – король Тарстен наклонился к столу, наливая новую порцию вина в кубок, – я охотно расскажу вам о наших великих двадцати семи богах, и о наших великих пророках.

– Позвольте! – вскочил с места эдль Игвар. – Ты, Тарстен, можешь себя, конечно, и королем называть, если тебе нравится, и кем хочешь еще, но я не позволю тебе распространять твоё ложное учение здесь, перед нашими уважаемыми гостями! Богов у нас не двадцать семь, а двадцать один! И великий пророк у нас только один! А то вам сейчас этот отступник наплетет и про семь книг. А книга, Великая Книга Гор, только одна единственная, данная нам великим пророкам Схельдром! Остальные шестеро так называемых богов, это тупая выдумка лжепророков.

– Как смеешь ты, мразь, меня перебивать! – заорал, также вскакивая Тарстен. – Как смеешь ты, еретик, поносить наших богов! Ты можешь засунуть себе твои грязные еретические мысли в свою не менее грязную ровву и валить в свои грязные пещеры жрать лорт, которым твои слова и являются! Как смеешь ты здесь проповедовать свою черную ересь?! Как смеешь ты отрицать божественность великих пророков?!

– Господа! Тарстен! Игвар! Прекратите! – попытался перекричать их Славий.

– Бесплезно, Славий, – саркастически усмехнулся Гленард, наливая себе еще вина. – Ты теперь их не остановишь. Спасибо тебе, Донрен. Молодец!

– Ты, грязный землерой! – орал, тем временем, на Тарстена Игвар. – Лорт от лорта! Поганный еретик! Жалкий прислужник демонов! Вы с вашими долбанутыми лжепророками приду-

мали своих развратных мерзких божков и упиваетесь ими! И всех истинно верующих людей гор хотите в вашу богоотвратную мерзкую веру загнать! Вы клянетесь не только на молоте, но и на кирке! Вы встаете на два колена! Вы молитесь на север! Вы причащаетесь не только хлебом, но и пивом! Ваши лжесвященники берут себе жен! Вы развратные ублюдки! И ты еще, тварь, что-то говоришь про нашу великую веру?! Какой ты после этого король?! Червяк ты мерзкий землеройный! Крыса ты тоннельная! Гнида ты грязная! Тьфу на тебя, сын демона и шлюхи!!!

– Ах ты ровва засранная! – заорал Тарстен, хватая со стола нож. – Да я тебя за это сейчас на куски порежу и сырым сожру!!!

Тарстен бросился на Игвара, который тут же схватил со стола пустую глиняную миску и швырнул ее в Тарстена. Тарстен уклонился и зарычал. Брайн кинулся сзади на Тарстена, схватил его за руку, в который был нож, и безуспешно попытался повалить. Тарстен рвался, пытаясь вырваться.

Гленард вскочил с места. Одним движением перемахнул через широкий стол, оказавшись между Тарстеном и Игваром. Схватил со стола почти полный кувшин пива и выплеснул его в лицо Тарстену.

Тарстен закашлялся, протер глаза. Немного успокоился.

– Ну, ладно, ладно, – проворчал он, – отпусти меня, герцог Брайн. Не буду я на этого барана кидаться... Не заслуживает он этого.

– Вы оба оскорбили и меня, и Империю, устроив этот скандал за моим столом, – громко и холодно проговорил Славий.

– Простите, Ваше Величество, – Тарстен поклонился. – Король никому не кланяется, но вам я кланяюсь, потому как чувствую великий стыд за свое поведение. Гнев от слов этого еретика, вместе с вином, заслонили мой разум. Прости меня, друг Славий.

– Я тоже прошу прощения, Ваше Величество, – также поклонился Славий Игвар. – Я тоже вспылал и вел себя недостойно, нарочно пытаюсь обидеть эдля Тарстена.

– Короля Тарстена, – проворчал Тарстен.

– Эдля Тарстена, – настаивал Игвар.

– Я думаю, что хватит споров на сегодня, – Славий встал из-за стола. – Все устали, все пьяны, все погорячились. Достаточно. Давайте спать. Завтра продолжим, надеюсь, вы будете более благоразумны и более терпимы друг к другу.

– Будем, Ваше Величество, – вновь поклонился Игвар.

– Будем, будем, – презрительно посмотрел на Игвара Тарстен. – Только пусть этот отступник ко мне спиной не поворачивается. Пусть знает, что я и мой топор всегда на страже.

«Боги!», – думал Гленард, снимая дублет и готовясь лечь спать. – «Так было спокойно и тихо. Коровки, дубочки, золотишко, камешки. И тут вдруг снова драки, споры, ругань. Как в старые добрые времена. Но, похоже, это не я к себе притягиваю всё это, а наше совместное присутствие в одном месте со Славием. Как только мы с ним встречаемся, сразу что-то такое происходит. Хотя и польза от этого, в итоге, надо признать, тоже огромная. Главное, пережить более-менее спокойно еще неделю, пока эти переговоры не закончатся. Ох, это будет долгая неделя...»

Гленард подошел к окну и распахнул его. Все улеглись. Усталые слуги, наевшись до отвала остатков еды с господского стола, разбрелись по своим домам и комнатам замка. В свинарнике похрюкивали поросята. Где-то далеко, в полях, пел о несчастной любви какой-то неугомонный сельский певун, видимо, привлекая к себе романтически настроенную девушку. В другой стороне, судя по ритмичным женским стонам вдалеке, кто-то уже успешно выполнил аналогичную задачу.

Ветер шелестел дубовой листвою. Совы бесшумно скользили по звездному небу. Пахло свежеспаханной землей и травами. В голове немного шумело от обильно выпитого вина, пива и меда. Несмотря на волнения дня, настроение было хорошее. Тихо, спокойно, сыто, пьяно и, что ни говори, интересно. Тишина и благодать.

И тут тишину и благодать резко прорезал близкий отчаянный и протяжный тонкий женский крик.

Гленард прибежал на крик одним из первых, босиком, в одних штанах и рубахе, не накинув на себя дублет, но успев схватить с сундука в спальне меч в ножнах.

Кричала на верхнем этаже, в коридоре, служанка – милая блондинка по имени Абелин. Сейчас она была бледна, как мертвец, и дрожала крупной дрожью, кусая посиневшие губы. И ей было от чего испугаться.

В неровно колышущемся тусклом свете свечи, едва отодвигающем темноту коридора, Гленард, а за ним и собирающиеся на крик обитатели замка увидели то, что привело Абелин в ужас.

На полу, лицом вниз, лежал эдль Игвар, посланник короля Биргхира. Его руки были бесильно раскинуты. А из огромной раны на затылке торчал бьергмесский топор, вокруг которого из черепа Игвара вытекала кровь, перемешанная с мелкими белыми кусочками раздробленных костей и мозга. Кровью же, обильно разлившейся по полу, было забрызгано и всё вокруг. Гленард почувствовал, как еще теплая кровь Игвара коснулась его босых ног.

– Аааа!!! – заверещал рядом с Гленардом пробравшийся из задних рядов собравшихся зрителей эдльунг Вилфрид, помощник и племянник Игвара. – Дядя Игвар! Как же так?!

Он повернулся, полными слез глазами посмотрел в глаза Гленарду. Потом, развернувшись, увидел короля Тарстена.

– Это всё он! – завопил, трясясь, Вилфрид, показывая на Тарстена пальцем. – Он его убил! Я слышал! Вы все слышали! Он хотел его убить! Он обещал его убить! Он! Это всё он!!! Проклятый убийца!!!

Глава VII

И тогда хитроумный Логги оборотился прекрасным бараном, и дева та, восхитившись мягкостью руна его, обняла его крепко, а он превратился тут же в орла и унес ее в пещеру на вершине горы, где жили они десять лет, и родила она ему восьмерых сыновей.

Профессор Михал из Пролеска. «Сказки и легенды народов севера».

А чтобы сделать черных кур

Возьми имбирный пряник и поджаривай его, пока не станет черным, как перечный хлеб, а затем разотри его мелко в ступке и добавь яиц. И пропусти это через ткань, и вылей на кур. А когда они жарятся, они должны приправляться гвоздикой.

Долгий день и долгий вечер. И Гленарда явно ожидала долгая ночь.

– Все расходитесь по своим комнатам! – скомандовал Гленард. – Отойдите от тела, здесь могут быть следы. Король Тарстен, у меня к вам будут вопросы. Пройдите, пожалуйста, вот в эту комнату.

– Как вы смеете указывать королю? – возмутился эдль Джеррих.

– Не время спорить, господин посланник, – холодно парировал Гленард.

– Слушайте, что говорит Гленард, и выполняйте, – поддержал Гленарда Император.

– Замолчи, Джеррих, дело серьезное, не видишь что ли, – бросил через плечо безропотно удаляющийся в указанную ему комнату мрачный король Тарстен.

– Миррард, – продолжал Гленард, – заведи Абелин на кухню, дай ей вина. Пусть успокоится. Но никуда не выпускай, мне нужно будет с ней поговорить. Найди лейтенанта Крейгана, где бы он ни был. Пусть соколом летит сюда. Из замка никого не выпускать. Любой ценой. И заведи эдльунга Вилфрида с собой, тоже успокой его вином. Адельхарт, друг, будь добр, помоги Миррарду.

– Будет исполнено, ваша милость, – стюард, поклонившись, увел за собой девушку и бьергмеса.

– Это дело Тайной Стражи, Гленард, при всём моём к тебе уважении, – мягко положил руку на плечо Гленарду Донрен.

– Вот именно, Донрен. Я поэтому и послал за Крейганом. Он знает своё дело хорошо.

– То есть, генерал Тайной Стражи тебя не устраивает? И ты поэтому послал за лейтенантом?

– Ты хочешь расследовать это дело сам, Донрен? – поднял бровь Гленард.

– Почему нет? Ты во мне сомневаешься?

– Никто в тебе не сомневается, Донрен, – ответил за Гленарда Славий. – Но ты здесь для того, чтобы, в первую очередь, блюсти мою безопасность. Участие в расследовании может сильно повредить этой миссии. Возможно, в этом и состоит цель этого преступления. При всём моём глубоким уважении к тебе, а ты знаешь, как я тебя люблю, пожалуйста, сосредоточься на безопасности Империи и Императора. А убийство пусть расследует местная Тайная Стража и... Гленард, ты хочешь вести расследование?

– Да, Славий, – кивнул Гленард.

– Но Гленард даже не является тайным стражником! – возмутился Донрен. – При всём моём уважении и любви и к нему, и к тебе, Славий. Он в отставке.

– Зато он лучше всех знает этот замок и его окрестности, – твердо настоял на своем Император. – Да и потом, Донрен, когда это ты сомневался в эффективности Гленарда как инквизи-

тора? Он всегда дела об убийствах раскрывал предельно хорошо. И во Флернохе, и в Ламрахе, и в Рогтайхе, вспомни. И он всё-таки полковник Тайной Стражи, пусть и в отставке. Ты раскроешь это дело, Гленард?

– Сделаю всё возможное, – мрачно покачал головой барон.

– Тогда, Гленард ан Кратхольм, своей властью как Императора и главы Тайной Стражи, я временно восстанавливаю тебя в звании полковника Тайной Стражи, назначаю тебя главой Тайной Стражи баронства Кратхольм и поручаю расследовать дело об убийстве эдля Игвара.

– Служу Империи, Ваше Величество, – ударил себя кулаком по груди полковник Гленард.

– Донрен, пожалуйста, позаботься о том, чтобы обеспечить безопасность замка, – продолжил Славий. – Нужно расставить стражников по периметру стены. Никто не должен выйти или войти до особого распоряжения. Моего или Гленарда. Кроме, конечно, тебя, меня, Гленарда и сопровождающих нас лиц. Спасибо тебе заранее.

– Служу Империи, – излишне учтиво поклонился явно раздосадованный Донрен и удалился.

– Славий, я прошу тебя присутствовать на нашем разговоре с королем Тарстеном, – попросил Гленард. – Это поможет избежать ненужных дипломатических проблем.

– Конечно, друг. Поговорим сейчас?

– Да, только я здесь быстро осмотрюсь, и дождемся Крейгана.

Минут через пять, когда Гленард уже успел внимательно изучить труп Игвара и следы вокруг него, в коридоре появился запыхавшийся лейтенант Крейган. Явно недовольный тем, что его вырвали из постели нежной, как кошка, служанки Триши, Крейган быстро собрался и посерьезнел, как только увидел Гленарда и Императора рядом с трупом посланника Игвара.

– Лейтенант Крейган, – обернулся к нему Славий, – я восстановил Гленарда в звании полковника Тайной Стражи и назначил его временно главой Тайной Стражи Кратхольма. До моего особого распоряжения вы подчиняетесь ему.

– Служу Империи, Ваше Величество.

– Ну, что, пойдёмте, поговорим с королем Тарстеном? – предложил Гленард.

Король Тарстен мрачно сидел в полутемной комнатке, сосредоточенно глядя на пляшущее пламя свечи.

– Тарстен, – обратился к королю Славий, – в связи с произошедшим пренеприятнейшим происшествием, я прошу тебя ответить на вопросы барона Гленарда и лейтенанта Крейгана. Барону Гленарду я поручил расследования этого убийства.

– Хорошо, Славий, конечно, – смиренно кивнул король. – Сразу хочу ответить на очевидный первый вопрос. Нет, это не я его убил. И я не знаю, кто это сделал.

– Спасибо, Ваше Величество, за ваше содействие, – слегка поклонился Гленард. – Вы могли бы рассказать нам о том, где вы находились и что делали, после того, как покинули ужин?

– Ну, вышел во двор, воздухом подышал немного, кусты роз за углом слегка удобрил, уж извини, барон, – развел руками Тарстен. – Потом пошел в свою комнату, этажом ниже этой. Завалился на кровать, не раздеваясь, очень плохо ноги держали после всего выпитого и съеденного. Потом услышал крик, девка орала, и пришел сюда посмотреть. Как и все остальные.

– Ваше Величество, видели ли вы или слышали что-нибудь подозрительное? Может быть, кто-то проходил мимо вашей комнаты? Или вы кого-нибудь встретили во дворе или по пути в вашу комнату?

– Нет, Гленард. Извини, никого не видел, ничего не слышал.

– Вы знаете, чьим топором был убит эдль Игвар? Вам он знаком?

– Конечно. Это мой топор. Я его от отца получил, а он от своего отца.

– Ваш? – поднял брови Гленард.

– Мой. Слушай, Гленард, я понимаю, как это всё выглядит, но я его не убивал. Клянусь тебе всеми двадцатью семью богами и всеми рудными жилами моего королевства. Да, я обещал его убить, но чего же не скажешь по пьяни в запале ссоры? Да, он был убит сразу после этого, но разве стал бы я марать руки таким глупым и демонстративным убийством? Да, он был убит моим топором, но держала этот топор не моя рука!

– И как же ваш топор оказался в голове эдля Игвара? – Гленард пристально посмотрел в глаза Тарстену.

– А это ты мне скажи, Гленард, – усмехнулся король. – Тебе же Император поручил расследовать это убийство. Поверь мне, ответ на этот вопрос я хочу знать не меньше твоего. Потому как топор для бьергмеса – это пусть и не священная вещь, но очень важная и личная. Тем более, топор королевский. То, что его взяла без спросу чужая рука, это уже законный повод эту руку отрубить. А то, что он был использован для такого подлого убийства, это позор и для меня, и для топора. Мне придется проводить специальные обряды и ритуалы для того, чтобы очистить от этого позора мое славное оружие.

– Сожалею об этом, Ваше Величество, – сочувственно кивнул Гленард. – Но всё же, когда и где вы в последний раз видели ваше славное оружие?

– На ужин все пришли без оружия, – задумчиво припоминал Тарстен, – оскорбительно же идти на императорский ужин с оружием. Я оставил топор в своей комнате. На сундуке, там же, где и свою мантию бросил. Был ли он там, когда я вернулся в комнату, не знаю. Честно говоря, я даже внимания не обратил. Я был пьян, Гленард. Да и устал дико. Завалился на кровать, даже сапоги не скинул. Но видимо, к этому времени топора уже там не было. Я бы заметил, если бы убийца его при мне забирал, как думаешь?

– Всякое бывает, Ваше Величество, – покачал головой Гленард. – Но, в данном случае, вероятно, кто-то взял топор или во время ужина, или сразу после. Сколько времени вы провели на улице после того, как покинули зал?

– Минут десять, – прикинул Тарстен, – может быть, чуть больше. Найди этого убийцу, Гленард. Найди и покарай. Прошу тебя. Это важно для меня, поскольку это мерзкое убийство бросило тень на мое имя. Одно дело убить кого-то лицом к лицу, в бою. И совсем другое, отвратительное, убить кого-то исподтишка, сзади, в темном коридоре. Верь мне или не верь, но бьергмеса так не убивают. Не только благородные эдли, но и даже простые боны так не убивают. Потому что после такого бесчестного деяния навсегда закрывается путь в чертоги богов после смерти. А однократный триумф от такого убийства не стоит вечного мучения в подземных серных пещерах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.